

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Колонка главного редактора	3
О коммунизме и марксизме — 27	4
Метафизическая война	21
Судьба гуманизма в XXI столетии	22

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Экономическая война	50
Новый раунд глобальной нефтяной игры. Часть V	51
Классическая война	81
Русский героизм. Дранг на Москву	82
Социальная война	97
Трансформация учебников как фактор войны с образованием	98
Культурная война	126
Десоветизация живописи. Часть IV	127

Колонка главного редактора

О коммунизме и марксизме — 27

В своей диссертации Маркс прямо говорит о том, что эсхиловский Прометей является «самым благородным святым и мучеником в философском календаре»

Бруно Бауэр

Галина Серебрякова

Мы установили, что Лафарг был очень близок к Марксу. Что он, безусловно, является сто-процентным классиком марксизма. Причём, если так можно выразиться, ничем не испорченного и не дополненного марксизма. То есть он не ревизионист, не неомарксист. Он — однозначный и достаточно яркий и крупный представитель классического марксизма.

Мы установили также, что этот представитель классического марксизма очень подробно разрабатывает тему Прометея, утверждая, что коммунистическая марксистская традиция тянется от этого самого Прометея, точнее мифа о нём, через тысячелетия в тот самый XIX век, где Ленин искал источники и составные части марксизма.

Мы установили также, что Галина Серебрякова, назвав свою трилогию о Марксе «Прометей», в той или иной степени ориентируется на сущностную связь между Марксом и прометеевской тематикой, а не просто выбирает для своего произведения звучное название.

Достаточно ли этого для того, чтобы неразрывно связать марксизм и коммунизм с прометеевской традицией, оговорив при этом, что знаменитые ленинские указания на то, что предтечами Маркса являются корифеи философской экономической и политической мысли XVIII–XIX столетий, мягко говоря, не исчерпывают существа дела? Что настоящей предтечей Маркса является Прометей и всё, что с ним связано. А корифеи, к которым апеллирует Ленин, лишь звено в этой традиции, тянущейся в глубины Истории. И имеющей, в том числе, и интересующее нас метафизическое измерение.

Движение «Суть времени» всерьёз вознамерилось, оставаясь марксистским в классическом понимании этого слова, а также коммунистическим, обрести некую «красную мистериальность». Причём, такую мистериальность (а значит, и орденскую посвящённость), которая совсем не обязательно связана с той или иной канонической религиозностью. Мы эту религиоз-

ность уважаем. Но нам нужна мистерия, одинаково убедительная для светских и религиозных людей и не задевающая никакой канонической религиозности. Где нам её искать?

В утверждениях Ленина о том, что предтечами Маркса являются корифеи, так сказать, «просвещенческого разлива», нет ничего, позволяющего нам обрести искомое. Мы можем согласиться с тем, что Маркс является наследником великих мыслителей XVIII—XIX веков. Но, согласившись с этим, мы должны продолжить судьбоносные для нас поиски. С сожалением констатируя, что в ленинском утверждении, сколь бы справедливо оно ни было, нет ничего полезного для нашего поиска.

А вот традиция, реально связывающая Прометея и Маркса, то есть связывающая эти две личности (мифическую и историческую) не только через образность, используемую писательницей Серебряковой, а более прочно и определённо, — это для нас более чем ценно.

Ведь о Прометее говорили с огромной страстностью и глубиной величайшие умы разных эпох.

Тут вам и Гесиод, один из древнейших и крупнейших античных авторов, и величайший древнегреческий трагик Эсхил, написавший сразу несколько потрясающих произведений о Прометее, и Аристофан, и Акций, и Антифан, и Софокл. Миф о Прометее волновал Платона и Протагора. Он пользовался огромной популярностью в эпоху Возрождения. Тему Прометея разрабатывали Кальдерон и Гёте. Она имела решающее значение для революционных романтиков — Байрона, Шелли, Огарёва, Шевченко, Гюте. Образом Прометея вдохновлялись великие музыканты — Бетховен, Лист, Скрябин. Как именно трактовал интеллеktуал Скрябин образ Прометея — это отдельный вопрос. И мы совершенно не обязаны соглашаться с его трактовкой. Тем более что она в целом носит достаточно туманный характер. Но само музыкальное произведения Скрябина — это уже почти мистерия. Можно слушать это

произведение, произведения Листа и Бетховена. Можно читать великие творения разных эпох, посвящённые волнующему умы образу Прометея, — и ощущать некую связь единого мира образов и символов, созданных данными почитателями Прометея, с марксизмом и коммунизмом. А можно заново переосмысливать опыт Прометея и ещё более укреплять связь между прометеевской темой, прометеевской метафизикой — и нашим пониманием высших красных мистериальных смыслов.

Но достаточно ли работ Лафарга для того, чтобы столь прочно и основательно связать классический марксизм с прометеевским началом? Конечно же, недостаточно. При всём уважении к Лафаргу хотелось бы найти следы особого отношения к Прометею у самого Маркса. И эти следы найти не трудно. Кстати, не было бы этих следов, не назвала бы Галина Серебрякова свою трилогию о Марксе «Прометеем».

Отец Маркса настаивал на том, чтобы сын

стал юристом. А Маркс хотел быть философом. Из уважения к авторитету отца он отдал дань юриспруденции, но как только отец умер (это произошло в мае 1838 года), Маркс полностью отдался философским занятиям.

Маркс изучал юриспруденцию и философию в Берлинском Свободном университете. Там был организован некий «Докторский клуб», ставший прибежищем молодых философских и политических вольнодумцев. Маркс получил доступ в «Докторский клуб» благодаря знакомству с Бруно Бауэром.

Бруно Бауэр (родился в 1809 году, умер в 1882) поначалу был ортодоксальным гегельянцем. Но потом он стал левым гегельянцем (или младогегельянцем). И в качестве такового стал заниматься ролью эллинизма в формировании христианства. Бауэр доказывал, что христианство эллинизировано больше, нежели считали классические религиозные авторитеты. Соответственно, он был объявлен вольнодумцем и об-

рёл всё, что из этого вытекает. Некие «фи» со стороны религиозной ортодоксии и роль одного из лидеров немецкого вольнодумства рассматриваемой нами эпохи.

Бауэр, в отличие от Маркса, оставался левогегельянцем до конца жизни. Но есть основания считать, что распроставшись с тем кругом идей, внутри которого остался Бауэр, Маркс не потерял до конца жизни интереса ко всему тому, что генерировалось самим Бауэром и представителями его направления.

Вполне возможно, что идеи Бауэра, отчаявшегося на определённом этапе в будущем германской культуры и увидевшего в России уже в 60-е годы XIX века страну грядущей цивилизации, побудили Маркса особо заинтересоваться Россией.

Возможно также, что Бауэр, протянувший руку железному германскому канцлеру Бисмарку в эпоху победоносной для Германии франко-прусской войны 1870–1871 гг., был инициатором

нескольких попыток Бисмарка и его окружения вовлечь опального Карла Маркса в разработку интересовавших Бисмарка идей особого социализма.

Маркс выступал с критикой Бауэра. Написал в 1844 году работу «Святое семейство или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Но одно дело критиковать определённых мыслителей и даже рвать с ними политические связи. А другое дело — считаться или не считаться с их воззрениями. Впрочем, вне зависимости от того, как именно относился к Бауэру зрелый Маркс, дружба с Бауэром Маркса молодого есть очевидный факт, как очевидно и то, что именно Бауэр ввёл Маркса в интересующий нас «Докторский клуб».

В 1839 году Маркс под влиянием этого самого «Докторского клуба» и особым влиянием члена этого клуба К. Ф. Кёппена начинает заниматься историей античной философии. Кёппен, посвятивший своему другу Марксу свою книгу

«Фридрих Великий и его противники», опубликованную в 1840-м году, считал эпикурейство, стоицизм и скептицизм основополагающими для здорового античного общества. Он также считал, что кризис этих учений связан с разложением этого общества.

Я уже говорил о том, что Ленин справедливо (хотя и непродуктивно в плане осуществляемых нами поисков) указывал на немецкую классическую философию как один из источников марксизма. Но ведь не вся немецкая классическая философия была для Маркса таким источником. Внутри немецкой классической философии существовало младогегельянское направление. Маркс ориентировался именно на него. А младогегельянцы, в свою очередь, ориентировались на эпикурейство, стоицизм и скептицизм. Которые они называли первоначальными историческими формами некоей «философии самосознания».

Именуя данные античные направления пер-

воначальными формами этой философии, младогегельянцы связывали высшее её развитие с учением Гегеля в их специфическом преломлении (а также с учением ещё одного классика немецкой философии — Фихте). Младогегельянцы утверждали, что эпикурейство, стоицизм и скептицизм — это своеобразное античное Просвещение. Так что даже ленинское, нам ничего не дающее указание на Просвещение как предтечу Маркса, оказывается заслуживающим внимания, коль скоро мы не ограничиваемся чтением хрестоматий, в которых всё сводится к констатируемой Лениным связи между Марксом и Просвещением. Маркс связан с Просвещением не «ваще», как считали наши патентованные обществоведы и их нынешние почитатели, а «чисто конкретно», через «Докторский клуб», младогегельянцев, конкретно Бауэра, Кёппена. А эти самые младогегельянцы считали, что их просвещенческая традиция имеет своим истоком некое античное Просвещение. Конечно же, младогеге-

льянцы, ориентируясь на Гегеля, не могли не разделять его скептицизма по отношению к Просвещению как таковому. Но, с другой стороны, они жили не в академическом стерильном инкубаторе. Они жили в условиях предреволюционной Германии. И потому настаивали на том, что являются наследниками Просвещения — специфическими, но всё же наследниками.

Что же касается Кёппена, то он прямо утверждал, что Просвещение (внимание!) *«было Прометеем, который принёс на землю небесный свет, чтобы просветить слепых, народ, мирян и освободить их от предрассудков и заблуждений»*.

Итак, очень важный в тот период для Маркса Кёппен не ограничивается продлением своей специфической немецкой просвещенческой традиции вплоть до некоего античного Просвещения. Он продлевает эту традицию вплоть до Прометея. А Маркс?

Диссертация Маркса, написанная под оче-

видным влиянием Бауэра, Кёппена и «Докторского клуба» в целом, называется «Различия между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Она была защищена в апреле 1841 года в Йенском университете.

Маркс очень тонко и талантливо оппонирует великому Лейбницу, утверждая, что учение Эпикура о природе не является прямым переложением атомистики Демокрита.

Рассматривая вводимый Демокритом принцип самопроизвольного движения атома, принцип отклонения / отталкивания, Маркс говорит, что деклинация или отталкивание — это необходимое выражение индивидуальности, самостоятельности. Маркс говорит, что *«отталкивание есть первая форма самосознания. Поэтому оно соответствует тому самосознанию, которое воспринимает себя как непосредственно сущее, абстрактно-единичное»*.

Говоря о том, что отталкивание есть первая форма самосознания, Маркс вносит свой

вклад в философию самосознания, развиваемую его тогдашними друзьями Бауэром и Кёппеном. То есть он солидаризируется с той традицией, которая связывает родственное ему на тот момент младогегельянское, немецкое, очень специфическое Просвещение и некое античное Просвещение, этого кеппеновского Прометея.

Но к этому всё не сводится. В своей диссертации Маркс прямо говорит о том, что эсхилловский Прометей является *«самым благородным святым и мучеником в философском календаре»*. И если ссылок на Лафарга, очень существенных с моей точки зрения, кому-то не достаточно для того, чтобы связать воедино коммунизм, марксизм и прометеевскую традицию, то вот оно — прямое высказывание Маркса. Причём мы не просто привели его. Мы рассмотрели всё то, что породило это высказывание. Кстати, убеждён, что без наличия такого высказывания Маркса Серебрякова и не захотела бы назвать свою трилогию «Прометеем», и не смогла

бы утвердить такое название в условиях тогдашней советской цензуры.

Но поскольку это суждение Маркса о Прометее было неоднократно воспроизведено в советской философской литературе и даже вошло в статью «Прометей» в Большой Советской Энциклопедии, то цензура поохала, поохала, поморщилась и не зарубила Серебряковой такое, весьма экстравагантное по тем временам, название.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Метафизическая война

Судьба гуманизма в ХХІ столетии

Крайне существенно, что и Гитлер, и его скрижали, и новый немецкий народ, и великая поэма Гёте «Фауст», являвшаяся провозвестником нового немецкого мессии, новых немецких скрижалей и нового немецкого народа, — всё это вынырнуло из некоего Царства Матерей, описанного в гётевском «Фаусте»

Если в Лейпцигском университете гётевский «Фауст» трактовался в качестве предтечи нацизма ещё до победы НСДАП в 1933 году, то по-

сле прихода нацизма к власти о Гёте как о гении, предвидевшем пришествие великого нацистского духа, заговорили по всей Германии. Пронацистское гётеведение стало развиваться очень бурно. Кое-кто из пронацистских гётеведов (например, Вильгельм Фезе в своей работе «Гёте в свете новых веяний», опубликованной в 1935 году) вспомнил о мефистофельском определении крови. Он написал: ***«То, что мы сейчас переживаем, — это волшебство крови. «Кровь, надо знать, совсем особый сок», — так говорил Гёте».***

Приближённый к Гитлеру генерал-интендант Немецкого национального театра в Веймаре Ганс Северус Циглер заявил о том, что эти слова Мефистофеля о крови являются *«элементарной истиной, <...> над которой сегодня надстраиваются новые знания».*

Иоганн Бертрам в своей работе «Гётевский Фауст с точки зрения XX века», вышедшей в 1939 году, восхваляет гётевского Мефистофеля, на-

стаивая на том, что он *«подтверждает факт, для большинства людей всё ещё остающийся неочевидным, — о связи воли, движущей силы человеческих способностей, с субстанцией крови»*. Не желая ограничиваться этим сильным утверждением, Бертрам рассматривает гётевского «Фауста» вообще и данное утверждение Мефистофеля в особенности как *«мистерию крови»*.

Ему вторит Герман Бурте, который, обсуждая роль немецкой поэзии для Европы, заявляет следующее: *«Новый человек появился из недр народа, он начертал на скрижалях новые заповеди. Он создал новый народ, подняв его из тех глубин, из которых на свет появилась и наша великая поэма: из Царства Матерей, из крови и земли»*. Что в этом утверждении представляется существенным?

Прежде всего то, что Гитлер, появившийся из недр народа, объявляется новым человеком, начертавшим на скрижалях новые заповеди, то есть новым — немецким, а не еврей-

ским! — Моисеем.

А также то, что, по мнению Бурте, связь между этим новым нацистским Моисеем, создателем нового немецкого народа, и гётевским Фаустом носит наипрочнейший характер.

И, наконец, крайне существенно, что и Гитлер, и его скрижали, и новый немецкий народ, и великая поэма Гёте «Фауст», являвшаяся провозвестником нового немецкого мессии, новых немецких скрижалей и нового немецкого народа, — всё это вынырнуло из некоего Царства Матерей, описанного в гётевском «Фаусте». И преподносимо Бурте в качестве того метафизического лона, из которого рождается всё немецкое. Для Бурте — а он отнюдь не мелкая фигура для нацистской литературы и нацистского литературоведения — Царство Матерей, описанное в «Фаусте», является фундаментальным источником немецкости как таковой и столь же фундаментальным источником нацистской немецкости, то есть того, что с точки зрения нацистских мыслителей спас-

ло и возродило немецкость как таковую.

Так что же такое Царство Матерей у Гёте? Поскольку появляется оно во второй части «Фауста» в качестве образа, который многим может показаться проходным, надо сначала воспроизвести один к одному всё, что у Гёте сказано по поводу этого великого Царства, так воодушевлявших нацистских апологетов Гёте.

Возвращаясь к этому Царству, которое мы раньше обсуждали в связи с желанием Фауста опереться на пустоту, мы вновь оказываемся в некоей тёмной галерее, в которой Фауст и Мефистофель очутились после того, как Фауст пообещал императору, к которому он пожаловал вместе с Мефистофелем, явить на императорской сцене настоящую Елену Троянскую.

Такая кощунственная цель требует помощи очень мощных потусторонних сил. Ради того, чтобы получить эту помощь, Фауст и Мефистофель оказываются в особо зловещем месте, которое Пастернак переводит как тёмную галерею, а Хо-

лодковский, чей перевод я дальше буду цитировать, как катакомбы. Мы уже были с читателем в этой самой галерее/катакомбах. И сейчас, когда я снова начну воспроизводить всё то, что сказано у Гёте по поводу этого, мне неизбежно придётся нечто повторить.

Но, во-первых, такие повторения неизбежны и необходимы, поскольку в исследовательских странствиях не раз приходится оказываться всё в той же точке, приходя в неё разными путями.

А во-вторых, в данном случае, нас интересует не тема пустоты, в связи с которой мы когда-то посетили эту галерею/катакомбы, а тема Матерей вообще и её преломление в сознании нацистских фаустианцев. Нам придётся заниматься этой темой подробно, иначе мы не обнаружим главного. А такое подробное занятие определённой темой требует подробного же цитирования — с неизбежными и необходимыми при этом повторами. Так что, наберёмся терпения и не будем сетовать на то, что опять оказались

в некоей особой точке повествования. Мы пришли в эту точку под другим углом. Мы прибтели в неё по другой тропе. И то, что мы опять оказались в ней, означает только одно: что эта точка особая, то есть для нас особо необходимая.

Итак, Мефистофель и Фауст оказываются, как мы помним, в этой самой галерее/катакомбах. Мефистофелю очень не нравится всё сразу: и это место. И та затея Фауста, для осуществления которой они в это место прибыли. Он ропщет, восклицая:

*Зачем меня ты в катакомбы эти
Зазвал? Иль мало случаев у нас
Там, во дворце, в придворном пёстром свете
Для плутовства, и шуток, и проказ?*

Фауст парирует возражения своего спутника:
*Не говори! Я знаю: это дело
Тебе давным-давно уж надоело;
Теперь же ты лишь хочешь избежать
Ответ мне дать прямой! И так без меры
Придворные, пажы и камергеры*

Меня терзают, не дают дышать.

Знай: государь желает, чтоб на сцену

Мы вызвали Париса и Елену.

В их образах он видеть пожелал

И женщины и мужа идеал.

Поторопись: нельзя нарушить слова.

Мефистофель в ужасе от этого поручения Фауста. «Не нужно было обещать пустого», — говорит он Фаусту. Мефистофель, с одной стороны, должен выполнять поручения Фауста. Но, с другой стороны, в данном случае Фауст требует от него фактически невозможного или почти что невозможного. О чём и говорит Мефистофель. Фауст ему не верит. В ответ на утверждение своего спутника, что вызвать Елену из тех потусторонних миров, где она обитает, невозможно, Фауст говорит:

Ну вот — опять запел на старый лад!

С тобой — всё неизвестность, всё сомненье,

Во всём ты порождаешь затрудненье,

За всё желаешь новых ты наград!

*Когда ж захочешь, так без разговора:
Раз-два, глядишь — и всё готово скоро!*

То, что после этого Мефистофель скажет Фаусту, находится в глубочайшем противоречии с любым христианством — пусть даже легкомысленно возрожденческим. Мефистофель вдруг заявляет ему, что *«Идолопоклонникам особый от- дан ад, Его дела мне не принадлежат»*. Читатель, надеюсь, понимает всю экстравагантность этого заявления, которое Гёте вкладывает в уста Мефистофеля не в качестве лукавства чёрта, который на самом деле может всё что угодно в пределах одного единого ада, который он окормляет.

«Поверьте, — говорит Гёте читателям, — чёрт вовсе не лукавит. Он действительно не может добыть Елену для Фауста, потому что язычники живут в другом аду».

«Да, да, — вторит ему Мефистофель, — созвать колдуний, ведьм — пустяк. А насчёт Елены — извините. У язычников и впрямь другой ад.

И я над ним не властен».

Но кто же над ним властен? Мефистофель, сообщив о том, что не имеет власти над адом язычников, далее признаёт, что есть средство добыть Елену Троянскую из её ада. Но это средство очень страшное. Фауст просит Мефистофеля немедленно назвать это средство: «Скажи! Я изнываю От нетерпенья!» — говорит он своему спутнику.

И тогда Мефистофель сообщает Фаусту нечто настолько экстравагантное в метафизическом смысле, что мне придётся, извинившись перед читателями за длинную цитату (впрочем, читатель уже привык к длинным цитатам из Вергилия и других авторов, не так ли?), дословно процитировать всё, что он раскрывает в качестве страшной тайны.

Мефистофель:

Неохотно я

Великую ту тайну открываю.

Знай: есть богинь высокая семья,

*Вне времени и места. Без смущенья
О них нельзя мне говорить. Пойми же:
То Матери!*

Вот они, те Матери, из которых вынырнуло, по мнению нацистского мудреца, всё сразу — и Гитлер, и новый нацистский немецкий народ, и «Фауст» Гёте.

Фауст (вздрагнув)

Что? Матери?

Мефистофель

Дрожишь?

Фауст

Как странно! Матери, ты говоришь...

А почему, собственно, Фаусту надо дрожать при слове «Матери»? Он не дрожал, когда заявлялся вместе со своим спутником на шабаш ведьм. Он не дрожал, когда подписывался кровью. Он не дрожал, когда с помощью своего спутника совершал страшные преступления. И он вообще не из пугливых, этот Фауст. А тут он задрожал. Почему? Но продолжим цитирование.

Мефистофель

*Да, Матери! Они вам незнакомы,
Их называем сами нелегко мы.
Их вечное жилище — глубина.
Нам нужно их — тут не моя вина.*

Итак, эти Матери незнакомы даже таким сведущим господам, как Фауст. Они пугают чёрта и его свору. Их вечное жилище — глубина. Та глубина, из которой и вынырнуло, по мнению нацистского исследователя, всё сразу. До чего же важные Матери, не правда ли? Продолжая цитирование, мы наталкиваемся на кусок, с которым уже знакомились. Что ж, прочитаем его ещё раз, обогатив себя особым пониманием того, насколько важны Матери и в метафизическом, и в политическом смысле слова. И насколько важно по этой причине всё, что с ними связано. В том числе и пустота, которая уже привлекла к себе наше внимание тогда, когда мы впервые оказались в галерее/катакомбах. Теперь мы узнаём, что путь к столь важным для нацизма Матерям

лежит через эту самую пустоту.

Фауст

Где путь к ним?

Мефистофель

Нет его! Он не испытан,

Да и не испытуем; не открыт он

И не откроется. Готов ли ты?

Не встретишь там запоров пред тобою,

Но весь объят ты будешь пустотою.

Ты знаешь ли значение пустоты?

В прошлое посещение галереи/катакомб мы пошли в направлении, задаваемом самим этим образом пустоты, обвинениями Шарлотты фон Шиллер в том, что Гёте опёрся на пустоту и так далее. Теперь мы видим, что в пустоте обитают особо важные для нацизма Матери. Но значит, для нацизма особо важна и эта самая пустота. Одно ведь у Гёте намертво связано с другим, не правда ли?

Итак, Мефистофель пугает Фауста пустотой. Фауст отвечает ему, почти как Толстой, заявляв-

ший по поводу некоего текста, что автор этого текста его пугает, а ему не страшно. А Мефистофель отвечает: «Зря ты не боишься». И подробнее, как мы помним, говорит о пустоте.

*Послушай же: моря переплывая,
Ты видел бы хоть даль перед собой,
Ты б видел, как волна сменяется волной,
Быть может, смерть твою в себе скрывая;
Ты б видел гладь лазоревых равнин,
В струях которых плещется дельфин;
Ты б видел звёзды, неба свод широкий;
Но там, в пространстве, в пропасти глубокой,
Нет ничего, там шаг не слышен твой.
Там нет опоры, почвы под тобой.*

Ну вот, Шарлотта фон Шиллер говорила, что Гёте опёрся на пустоту...

А Мефистофель предупреждает, что в пустоте нет опоры, нет почвы...

А нацистский авторитет заявляет, что в этой безопорности — Матери, которые питают собой всё немецко-нацистское, фаустианское в том чис-

ле.

Мефистофельские устрашения не оказывают искомого воздействия на Фауста. Фауст говорит пугливому чёрту:

*Ты говоришь, как мистагог старинный,
Как будто я лишь неофит невинный.
Не в пустоту меня, наоборот,
Чтоб я окреп, теперь ты посылаешь,
А сам чужими загребать желаешь
Руками жар. Но всё-таки вперёд!
На всё готов я, всё я испытаю:
В твоём «ничто» я всё найти мечтаю.*

Мы уже рассматривали эту важнейшую связь между пустотой и «ничто». Сейчас мы возвращаемся к ней в связи с тем, что в этом «ничто» находятся Матери, которые обладают особой важностью для фаустианского нацизма. И только ли для него?

Ведь у нас есть все основания для того, чтобы полагать, что «ничто», являющееся одновременно пустотой, имеет некое отношение к гно-

стическому Абсолюту, он же — Великая предвечная тьма. Так что не только для нацизма это «ничто» имеет решающее значение. Оно же имеет решающее значение для того, что породило нацизм и может породить многое другое.

Поскольку мы обязаны на этот раз проследить всё, связанное с темой Матерей, обитающих в этом «ничто», продолжим цитирование.

Мефистофель

*Перед разлукой должен я сказать,
Что чёрта ты-таки успел узнать.
Вот ключ.*

Фауст

К чему мне эта вещь пустая?

Мефистофель

Возьми, взгляни: не осуждай, не зная.

Фауст

В руке растёт, блестит, сверкает он.

Мефистофель

*Теперь ты видишь, чем он одарён.
Он верный путь почует; с ним надёжно*

До Матерей тебе спуститься можно.

Не правда ли, читатель, тема магического ключа, ведущего одновременно в пустоту, в «ничто» и туда, где можно встретиться с Матерями, не могла не привлекать нацизм, искавший путей в тьму с тем, чтобы напиться её деструктивной силой. Кстати, гётевский Фауст понимает, чем его одарил inferнальный спутник. И потому содрогается, что с ним бывает, согласитесь, нечасто.

Фауст (содрогаясь)

До Матерей! И что мне в слове том?

Зачем оно разит меня, как гром?

Вновь Фауст подтверждает, что он боится этих самых Матерей в неизмеримо большей степени, чем высочайшую inferнальную фигуру, с которой он заключил контракт, подписавшись кровью. Вот какие эти матери. Мефистофель улавливает это содрогание Фауста и начинает иронизировать по поводу такого содрогания, то ли желая загнать его в простейшую ловушку (а не пора ли нам остановиться, приятель), то ли стремясь

к тому, чтобы, уйдя из этой простейшей ловушки, его спутник попал в ловушку гораздо более коварную.

Мефистофель

*Ужели ты настолько ограничен,
Что новых слов боишься? Лишь одно
Ты хочешь слышать, что слышал давно?
Ты мог бы быть к диковинкам привычен.*

Фауст не желает останавливаться и тем самым движется из простейшей ловушки в более коварную.

Фауст

*Нет, я б застыть в покое не хотел:
Дрожь — лучший человеческий удел;
Пусть свет все чувства человека губит —
Великое он чувствует и любит,
Когда святой им трепет овладел.*

Мефистофель не одёргивает Фауста, не сообщает ему, что содрогание при упоминании Матерей не является святым трепетом, а является чем-то прямо противоположным. Ему нравится, что

Фауст движется из простейшей ловушки под названием «остановка» в обитель этих самых Матерей. И он его поощряет к этому.

Мефистофель

*Спустись же вниз! Сказать я мог бы: «Взвейся!»
Не всё ль равно? Действительность забудь,
В мир образов направь отважный путь
И тем, чего давно уж нет, упейся!
Как облака, совьются вокруг они, —
Взмахни ключом и тени отстрани.*

Согласись, читатель, во всём, с чем мы сейчас опять знакомимся, есть некое сходство с «Энеидой» Вергилия, той её частью, где герой попадает в иной мир, встречаясь со своим отцом и многими другими тенями. Правда, здесь Мефистофель говорит о том, что тени надо отстранить. Что ж, когда древнему греку нужно было, принеся жертву, встретиться с особо ценной для него тенью, он тоже так или иначе отстранял другие тени, пытавшиеся вместе с нужной для него тенью напиться жертвенной крови. Мы это знаем по го-

меровскому эпосу и другим произведениям. Гёте явно повторяет эту канву, важную для элевсинских и других мистерий, дополняя её ключом, пустотой, «ничто», а главное — этими самыми Матерями. То есть он и развивает античную канву, и её трансформирует каким-то особым образом, опираясь на нечто ещё более древнее, чем та античная канва, в которой герой, желая встретиться с тенью, приносит жертву, отгоняет ненужные ему тени и так далее.

Фауст понимает, что именно предлагает ему Мефистофель и какова тут роль ключа. И соглашается играть по предлагаемым правилам.

Фауст (с воодушевлением)

*С ключом в руке, отважно, с силой новой,
Я ринусь вглубь, на подвиги готовый!*

Тут очень важно, что вглубь. Коварный Мефистофель морочит голову Фаусту, утверждая, что можно с одинаковым успехом говорить о подъёме в некие небесные дали или о спуске невесть куда. Но Фауст понимает, что ему предстоит

именно ринуться вглубь.

Поддерживая его в этом желании, Мефистофель говорит:

*Пылающий треножник в глубине
Ты наконец найдёшь на самом дне.
Там Матери! Одни из них стоят,
Другие ходят или же сидят.
Вкруг образы витают там и тут —
Бессмертной мысли бесконечный труд,
Весь сонм творений в обликах живых.
Они лишь схемы видят; ты ж для них
Незрим. Сбери же мужество в груди
В тот страшный час! К треножнику иди,
Коснись ключом! Вот так! Треножник тот
К ключу прильнёт и за тобой пойдёт,
Как верный раб. Незрим, ты ускользнёшь,
Взлетишь наверх и вновь сюда придёшь.
Тогда, добыв треножник тот, дерзай:
Героя с героиней вызывай
Из мрака ночи. Первый ты свершил
Тот подвиг и награду заслужил, —*

*И фимиама благовонный дым
Мы магией в героев обратим.*

Данное напутствие Мефистофеля явно носит издевательский характер. Мол, дым будет магией обращён в героев. Но главное — ключ и треножник. Мефистофель вручает Фаусту нечто, без чего он не сможет совершить искомое. Это нечто — ключ. Тот ключ, который с невероятным упорством искали нацисты, путешествуя по всему миру. Не реагируя на иронические благословения своего спутника, Фауст спрашивает его о том, что ему надобно сделать, чтобы начать шашни с пустотой, «ничто», треножником, ключом, Матерями. Мефистофель даёт простую рекомендацию.

В дорогу! Топни раз —

Исчезнешь; топни вновь — и будешь ты у нас.

Он явно издевается над Фаустом, потому что в тот момент, когда Фауст исчезает, его подельник, только что внушавший, что всё элементарно — топнул и готово, — говорит:

*С ключом бы только всё пошло на лад!
А любопытно знать, вернётся ль он назад?*

Фауст возвращается, добыв всё, что необходимо для того, чтобы исполнить пожелание императора и представить на императорской сцене оживших Париса и Елену.

Воссоздавая на императорской сцене с помощью Мефистофеля, засевшего в суфлёрскую будку, некую античную мистериальность, восхваляемую астрологом, наблюдающим за этой театральной реконструкцией, и осуждаемую архитектором как оппонентом астролога, Фауст вновь говорит о тех же Матерях:

*Вас, беспредельных, призываю ныне,
Вас, Матери, царящие в пустыне
И всё ж не одинокие! Вкруг вас,
Без жизни, лики жизни бесконечно
Пячат и реют; всё, что было раз,
Там движется, там есть и будет вечно!
Послушен вам созданий каждый шаг;
Их делите вы в дивном полномочье*

*Меж дня шатром и тёмным сводом ночи;
Одни живут средь жизни милых благ,
Других отважный вызывает маг;
Уверенно и щедро мир чудесный
Умеет он призвать пред взор телесный.*

После этого призыва Фауста на сцену являются сначала Парис, а потом Елена Прекрасная, которую Фауст добыл неким магическим образом, руководствуясь рекомендациями Мефистофеля. Когда Елена появляется, Мефистофель оценивает её очень сдержанно («Так вот она! Спокоен я вполне: Хоть недурна, но вовсе не по мне»). Что же касается Фауста, то он, дерзнувший добыть эту Елену из очень заповедного потустороннего мира, попав полностью под её обаяние, восклицает:

*Своими ли глазами вижу я
Тебя, источник красоты волшебный?
Твоя ли жизни полная струя
Влилась мне в душу, как поток целебный?*

Фауст понимает при этом, что он добыл Елену

из этой самой заповедной потусторонности с помощью чего-то устрашающего. Он прямо говорит, что Елена добыта им с помощью не абы какого, а именно страшного поиска:

*Мой страшный поиск дивный плод мне дал:
Весь мир мне был ничтожен, непонятен;
Теперь, когда твоим жрецом я стал,
Впервые он мне дорог, благодатен,
Незыблем, прочен! Лучше пусть лишусь
Дыханья жизни, чем теперь решусь
С тобой расстаться! Образ тот туманный,
Что мне в волшебном зеркале сиял, —
Был только отблеск твой непостоянный,
О красоты роскошной идеал!
Тебе всю жизнь, все силы мощной воли,
Мольбу и страсть безумную мою,
Мою любовь и нежность отдаю!*

Мефистофель из суфлёрской будки пытается сдержать порывы Фауста. Он говорит ему: «Опомнись же, не выходи из роли!» Но Фауста неудержимо тянет к появившейся Елене. Он рев-

нует её к Парису. Мефистофель пытается сдержать эти порывы ревности. Он призывает Фауста «дать призраку свободу». Но Фауст прерывает сцену похищения Елены, опять же, призывая всё тех же Матерей, для того чтобы они ему помогли скорректировать то, что когда-то произошло, и теперь с помощью использованных им страшных средств должно бы было всего лишь снова явиться пред очи императора, которому сие было обещано.

Мефистофель упрекает Фауста в том, что тот сам пообещал императору именно это. «*Твоя ж ведь это глупая затея!*» — говорит Мефистофель Фаусту из суфлёрской будки. Но Фауст хочет не просто воскресить прошлое, но и переиграть его в свою пользу. Причём с помощью всё тех же Матерей. Фауст не хочет, чтобы Парис опять похитил Елену. Он восклицает:

*Как похищение? Но разве, силы полный,
Я возле не стою, отважен и могуч?
Я разве не держу в руке волшебный ключ,*

*Который вёл меня сквозь мрак, туман и волны,
Сквозь ужасы пустынь? И вот вернулся я, —
Здесь вновь действительность и твёрдая земля,*

*Здесь смело с духами мой дух бороться будет
И в двух мирах себе двойную власть добудет!
Прекрасная была когда-то далека,
Недостижима мне — теперь она близка.
За дело же смелей! Мне дивный ключ поможет;
Спасу её — тогда она моя вдвойне.
Вас, Матери, зову: вы помогите мне!*

Используя добытый им магический ключ, Фауст пытается изгнать Париса и сам овладеть Еленой. Дело кончается взрывом, который низвергает Фауста и изгоняет духов с императорской сцены. Мефистофелю приходится уносить Фауста на плечах восклицая:

*Ну, вот вам и спектакль! Эх, право, предосадно!
Связаться с дураком и Сатане накладно.*

Ознакомившись со всем, что сказано в «Фаусте» о Матерях, мы просто не можем не задаться

вопросом о том, какую традицию использовал Гёте, введя в своё произведение эту странную, зловещую, коварную тему, оказавшуюся для определённых нацистов чуть ли не наиважнейшей.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

Экономическая война

Новый раунд глобальной нефтяной игры.

Часть V

Мировые запасы «сланцевой нефти» составляют как минимум многие сотни млрд баррелей или многие десятки млрд тонн. Вопрос лишь в доступности технологий добычи и себестоимости, а также в повышенных экологических рисках сланцевой добычи

Перспективы американской «сланцевой» нефти

Некоторые аналитики нефтяной отрасли утверждают, что начавшееся в 2015 г. падение добычи нефти в американской «сланцевой» отрасли связано не только с ростом долговой нагрузки добывающих компаний и нерентабельностью добычи при нынешних «обрушившихся» ценах на сырьё. И обращают внимание на то, что на ключевых «сланцевых» месторождениях наблюдается устойчивое падение среднего дебита (то есть нефтеотдачи) действующих, в том числе новых, скважин.

Так, в начале ноября американский аналитический бюллетень Monthly Energy Review сообщил, что падение добычи нефти, несмотря на масштабное новое бурение, отмечается на сланцевых месторождениях в Техасе, Оклахоме, Северной Дакоте, Нью-Мексико.

Ряд аналитиков, рассматривая ситуацию

в ключевых сланцевых бассейнах, указывают на то, что большинство нефтяных компаний в этих бассейнах — «Баккен», «Игл Форд», «Ниобрара» — уже практически полностью «закрыли» добывающими скважинами зоны с большой мощностью и сравнительно высокой проницаемостью нефтесодержащего плеча. И что эти компании теперь вынуждены переходить на новые, сравнительно «бедные» и менее рентабельные участки плеча.

Далее, соотнося данные о расположении добывающих скважин с геологическими данными по мощности и проницаемости нефтеносных плеев, те же аналитики делают вывод о том, что в этих бассейнах не менее 40–50% доступной сланцевой нефти уже извлечено из недр.

Сумма двух этих выводов, если они будут надёжно подтверждены, означает следующее.

Во-первых, это означает, что вскоре рентабельная добыча нефти в этих бассейнах окажется возможна лишь при резко (минимум

до 70–80 долл./барр.) повысившихся рыночных ценах на нефть.

Во-вторых, это означает, что при нынешних уровнях добычи коммерческие запасы нефти на этих месторождениях практически иссякнут через 4–5 лет. И что единственная надежда США на «сланцы» как долговременную опору нефтяной независимости страны — это обнаружение новых богатых сланцевых бассейнов.

Означает ли всё сказанное, что «эпоха сланцевой нефти» в США неуклонно движется к концу?

Конечно, не означает.

Во-первых, сейчас в США уже набурены тысячи скважин, в которых — где из-за тривиальной нехватки денег, где из-за бессмысленности добычи при нынешних ценах на нефть — не проведён фрекинг. И, соответственно, добыча нефти не производится.

Кто бы ни владел сейчас или позднее (в случае банкротства добывающей компании) эти-

ми скважинами, при существенном повышении цен на нефть наличие «парка» таких «полуготовых» скважин предполагает их задействование — раньше или позже — в процессе добычи нефти. А если цены поднимутся сильно, то немало компаний превысят порог рентабельности добычи на своих лицензионных участках и начнут новое «сланцевое» бурение и новые гидроразрывы пласта.

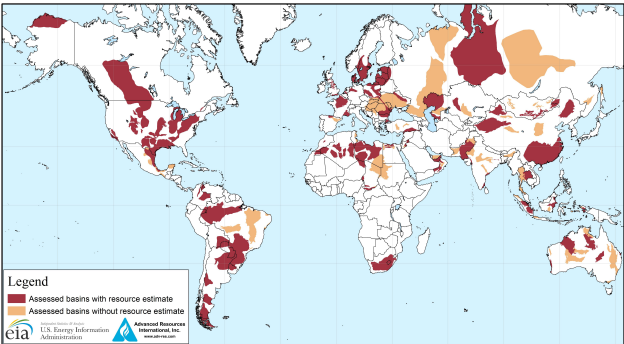
Во-вторых, нельзя забывать о том, что появление новых технологий добычи всегда позволяет выгодно вовлекать в экономический оборот ранее недоступные природные ресурсы. Отметим, что ещё 15–20 лет назад к компаниям, начинавшим использовать направленное бурение и фрекинг на «сланцевых» месторождениях нефти и газа, в самой Америке почти все специалисты относились с нескрываемым скептическим ехидством.

Сейчас же, например, поступают сообщения о том, что на некоторых сланцевых месторожде-

ниях испытываются технологии активизации движения нефти в порах слабопроницаемых пород при помощи мощного ультразвука. И что, якобы, в ходе этих технологических экспериментов получены первые вполне обнадеживающие результаты...

Но ведь сланцевая нефть уже найдена не только в США

На самом деле, крупнейшие разведанные резервы нефти «сланцевого» типа имеются вовсе не в США. По данным американского Агентства энергетической информации (US EIA) на начало 2015 года, прогнозные технически извлекаемые (то есть коммерчески доступные при нынешнем уровне развития технологий добычи) запасы сланцевой нефти в мире распределяются следующим образом (в млрд барр.):

Карта распределения сланцевых запасов на сентябрь 2015 г. Администрация энергетической информации США

Распределение запасов сланцевой нефти в мире
на начало 2015 года (в млрд барр.)

(Здесь я напомним, что привычная нам тонна для большинства сортов нефти содержит примерно 7,3 барреля.)

Технически извлекаемая «сланцевая нефть» есть и во многих других странах — в Великобритании, Германии, Польше, Эстонии, Болгарии, Румынии, на Украине, в Нигерии, Судане, Колумбии и т. д., но в них запасы существенно ниже.

Всё это вместе составляет как минимум многие сотни млрд баррелей или многие десятки млрд тонн. Вопрос лишь в доступности технологий добычи и себестоимости, а также, как я уже сказал, в повышенных экологических рисках «сланцевой» добычи.

Так, в очень густозаселенной Европе во многих странах «сланцевая» добыча законодательно запрещена именно по экологическим причинам. Попытки ведущих мировых нефтегазовых корпораций начать добычу сланцевой нефти (или сланцевого газа) в Польше, Болгарии, Румынии, Нигерии, на Украине оказались экономи-

чески нерентабельны даже при прежних высоких ценах на энергосырьё и были прекращены.

Продолжается добыча сланцевой нефти и сланцевого газа в сравнительно небольших масштабах в Аргентине, где её ведёт в западных предгорьях страны (в так называемом «Неогеновом бассейне») альянс американской корпорации Chevron и национальной корпорации YPF, и в Китае, где в «Сычуаньском бассейне» на юге страны сланцевый газ добывают национальные корпорации Sinopec и China National Petroleum Corporation's (CNPC).

Однако ещё в апреле 2015 г. глава аргентинской YPF Мигель Галуццио публично заявил, что «при стоимости скважины \$11 млн и цене за баррель нефти \$50 работать на «сланце» уже просто невыгодно».

А в Китае, кроме высокой себестоимости добываемых на «сланце» нефти и газа, очень серьёзным препятствием для наращивания добычи оказывается характерный для практически

всех китайских провинций, в том числе для Сычуани, острый дефицит воды. А воды, напомним, при сланцевой добыче требуется чрезвычайно много.

В России прогнозные резервы «сланцевой» нефти воистину гигантские. Как я уже писал ранее, самые большие резервы сосредоточены в Баженовской свите, занимающей площадь в сотни тысяч квадратных километров в Западной Сибири. А есть ещё очень крупные резервы Доманиковской свиты в Урало-Поволжском регионе, а также резервы Хадумской свиты на Северном Кавказе.

Причём только Баженовская свита, по оценке экспертов корпорации Wood Mackenzie, содержит резервы около 2 трлн барр., по оценке упомянутой выше US EIA — 1,2 трлн барр. нефти. Но это именно резервы, а не извлекаемые запасы. В том же, что касается технически извлекаемых запасов, «Роснедра» в 2012 г. назвали оценку в 180–360 млрд барр., а US EIA в 2013 г. — оцен-

ку в 74 млрд барр.

Но вопрос состоит ещё и в том, что в данном случае означает «технически извлекаемые запасы». Дело в том, что нефтеносные породы Баженовской свиты — это в основном сложное переслаивание пропластков известковых, кремнистых и глинистых пород, содержащих как высококачественную «лёгкую» нефть и битум, так и твёрдые органические минералы (так называемый «кероген»). То есть это преимущественно именно такие типы нефтеносных «сланцев», которые пока безуспешно пытаются освоить ведущие американские «сланцевые» компании с их наисовременнейшими технологиями в крупнейших нефтяных бассейнах США.

Российские компании «Сургутнефтегаз», «Роснефть», «Газпромнефть», «Татнефть», «Ритэк» ведут работы на отдельных лицензионных участках «баженовки» уже давно. Пионер этих программ «Сургутнефтегаз» проводит исследования и добычу нефти Баженовской свиты

много лет. Причём эта компания использует как американские технологии фрекинга, так и разработанную в СССР технологию добычи «окислительным нагревом».

Суть этой технологии заключается в том, что в нефтесодержащую толщу под давлением закачивается вода, насыщенная воздухом. При сравнительно высоких температурах пласта (1 000С и более) термическая реакция окисления нефти в пласте кислородом воздуха дополнительно нагревает горные породы. При этом нефть в породах не только снижает собственную вязкость (то есть повышает текучесть), но и расширяется в объёме, раздвигая стенки пор и повышая проницаемость породы, что облегчает её откачку в скважину.

Но пока широкий масштаб добычи нефти из российской Баженовской свиты не приобрела. Не приобрела потому, что «баженровка» предъявляет добывающим компаниям очень много геологических и технологических проблем.

Во-первых, здесь нефтесодержащая толща очень сильно меняет тонкую геологическую структуру по горизонтали. То есть может оказаться очень разной в скважинах, пробурённых буквально в сотне метров одна от другой. Одна скважина даёт мощный приток нефти, а в другой в нефтяном пласте не обнаруживается ничего, кроме твёрдых керогенов. В то же время получить детальные знания о такой тонкой структуре пласта на глубине около трёх километров — не позволяют даже самые современные методы геофизики, включая так называемую «сейсморазведку высокого разрешения».

Во-вторых, у российских компаний, работающих на «баженовке», просто нет необходимого для массовой добычи на «сланцах» количества современных буровых установок с соответствующим технологическим оборудованием. Более того, в нынешней России такие установки просто не производятся. Напомню, что в США на «сланце» бурят тысячи таких установок. А у наших ком-

паний всех вместе — их сейчас в лучшем случае десятки.

В-третьих, в России просто не выпускаются многие типы современного оборудования и материалов для «сланцевого» фрекинга (хотя на наших традиционных нефтяных месторождениях многие компании уже десятки лет применяют направленное кустовое бурение и гидроразрыв пласта). В результате почти все российские нефтяные компании для своих работ на «баженовке» вступали в альянсы с западными нефтегазовыми «грандами» (Shell, Total, ExxonMobil, Chevron и т. д.) и нанимали в качестве подрядчиков крупнейшие западные нефтесервисные компании (Halliburton, Schlumberger, Baker Hughes и пр.) либо учреждённые в России «дочки» этих компаний.

Теперь же введённые США и Европой санкции против России оказались направлены именно и в первую очередь против использования американских «сланцевых» технологий. И западные

компании, соблюдая санкционный режим, сотрудничество с Россией по «баженовке» свернули. Но и китайские корпорации, которые вначале давали обещания поделиться с Россией соответствующими технологиями (перенятыми на Западе), — сейчас, похоже, от выполнения этих обещаний уклоняются. Видимо, опасаясь неприятностей из-за нарушения американских санкций.

Так что без «технологического рывка» нашей промышленности, без освоения собственного производства всего спектра оборудования, материалов и услуг для «сланцевой» добычи, — разработка крупнейших в мире российских запасов баженовской, доманиковской, хадумской нефти, видимо, откладывается на достаточно далёкую перспективу.

Но что ещё есть в мире из доступных запасов нефти?

Резервы, запасы и добыча нефти из «нефтяных песков»

Ещё несколько лет назад в «первую тройку» мировых лидеров по запасам нефти входили Саудовская Аравия, Иран и Ирак. Теперь же в ней осталась только Саудовская Аравия, и «первая тройка» стран мира по наличию доказанных запасов нефти (в млрд барр.) выглядит так:

Венесуэла — 298,3; Саудовская Аравия — 267,0; Канада — 172,9.

«Рывок вперёд» Венесуэлы и Канады в этой «табели о рангах» определился тем, что в них были доразведаны и доказаны гигантские запасы нефти в так называемых «нефтяных», или битуминозных, песках. А именно, в нефтяных песках так называемого «пояса Ориноко» вдоль северного берега реки Ориноко в центральной части Венесуэлы, и в нефтяных песках формации Атабаска в центральной канадской провинции Альберта.

Подчеркну, что эти нефтяные месторождения обнаружены очень давно, в прошлом и позапрошлом веках, и их огромные резервы уже в XX веке были хорошо известны. По некоторым авторитетным профессиональным оценкам, в «нефтяных песках» содержится до половины общемировых резервов нефти.

Однако оценка запасов этих месторождений, отвечающая современным требованиям и предполагающая детальное картирование и подсчёт запасов, была дана всего несколько лет назад. Причина в том, что за доразведку не торопились браться, поскольку рентабельная добыча нефти из таких песков — задача очень непростая. Почему?

Во-первых, потому что месторождения содержат преимущественно так называемую «тяжёлую» нефть с большим содержанием битумно-асфальтового материала и иногда твёрдых керогенов, создающих серьёзные дополнительные проблемы при её очистке и переработке.

Во-вторых, потому что для добычи такой нефти, опять-таки, как и для «сланцевых» месторождений, требуются особые технологии. И потому масштабную добычу «тяжёлой нефти» из песков пока развернули в основном только в Канаде.

Как добывают нефть из «нефтяных песков»?

Карьерная (открытая) добыча «битумной» нефти

Часть месторождений канадской нефтеносной формации Атабаска находится на совсем небольшой глубине, «крыша» нефтеносного пласта залегает на расстоянии 50–70 м от земной поверхности. Такие месторождения разрабатывают карьерами. То есть сначала мощными бульдозерами и экскаваторами, иногда с применением взрывных работ, снимают слой пустых пород, покрывающих нефтеносный пласт. А затем черпают нефтеносную влажную породу ковшом экскаватора, грузят в самосвалы и везут на перера-

ботку на завод.

На заводе нефтяной песок вместе с кусками известняка, песчаника и керогена поступает на дробление. Сначала в гигантскую механическую дробилку, а затем в дробилки поменьше, где твёрдая часть смеси разбивается на более мелкие куски.

После дробления в полученную песчано-каменно-битумную смесь добавляют горячую воду и пропускают её через так называемые «грохоты», где при помощи непрерывного встряхивания проводят первичное разделение (сепарацию) смеси на водо-битумно-песчаную суспензию и куски пустой породы. Затем эту суспензию направляют на вторичную сепарацию, где в неё добавляют горячей воды и максимально очищают от песка.

Далее нефтяную фракцию смеси отделяют от воды, в полученный «полуфабрикат» добавляют растворитель (как правило, неочищенный бензин) для растворения битума и по трубопро-

воду направляют в ёмкости хранения. Откуда она отправляется на нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ), где происходит её окончательная очистка от примесей и переработка в различные нефтепродукты.

Затраты на такую добычу очень серьёзные. Нужны карьеры глубиной до сотни метров и площадью в десятки квадратных километров, дорогие сверхмощные бульдозеры, экскаваторы, способные «за раз» зачерпнуть 70–80 тонн породы, карьерные 200–400-тонные самосвалы для перевозки «битумной руды», гигантские дробилки и грохоты, огромное количество пресной воды (для получения барреля нефти приходится расходовать от двух до пяти баррелей воды) и, главное, на эту добычу нужно расходовать огромное количество энергии.

Между тем, в промышленности существует важный показатель энергоэффективности добычи энергоносителя (нефти, газа, угля), как EROEI (energy returned on energy invested). EROEI — это

отношение количества энергии, которую можно получить из добытого энергосырья, к энергии, которая затрачена на его добычу. Так вот, средний показатель EROEI для мировой нефтяной отрасли в настоящее время — около 18. А для «тяжёлой нефти» из канадских песков Альберты EROEI очень низкий (по разным оценкам, от 4 до 6). Иными словами, в среднем из добываемых таким способом 5 баррелей нефти один баррель расходуется на её добычу.

Кроме того, карьерную добычу экологи относят к разряду крайне «грязных».

Для карьеров вырубается и очищаются от почвы большие массивы лесов, что нарушает все мыслимые природные экологические балансы в районах нефтедобычи. Кроме того, на всех описанных выше стадиях переработки нефтесодержащей породы образуется огромное количество битумно-песчано-водяных отходов, в среднем по объёму — 5 барр. на 1 барр. нефти. И всё это оказывается отчасти просто

на поверхности земли, отчасти — в накопительных резервуарах-болотах. Вокруг наиболее загрязнённых участков месторождений добывающие компании устанавливают батареи специальных «газовых пушек», которые громкими выстрелами отпугивают птиц, пытающихся сесть на поверхность подобных «водоёмов». Но птицы всё равно нередко садятся и погибают.

Сейчас на месторождениях в Альберте из карьеров добывается более 40% «битумной» нефти. Однако на небольших глубинах, доступных для открытой карьерной добычи, находится лишь примерно 10% запасов нефтеносного бассейна, и они постепенно иссякают. И потому большинство добывающих мощностей на месторождениях Альберты, расположенных на больших глубинах, пока ориентируется на разработку нефтеносной толщи при помощи буровых скважин.

Скважинная добыча нефти из «битумных песков»

Казалось бы, при скважинной добыче возможно воспользоваться технологиями, разработанными и освоенными на «сланце», включая направленное бурение и фрекинг. Однако это не так. Дело в том, что пористость и проницаемость «битумных песков», как правило, достаточная, и увеличивать её гидроразрывом не нужно. А вот очень высокая вязкость битума в порах — просто не позволяет ему двигаться под пластовым давлением при попытках откачки из скважины.

Потому при скважинной добыче «битумной нефти» её приходится разжижать. Для этого (технология называется активированным паровым гравитационным дренажем) в скважины под давлением закачивается горячий пар, который нагревает породу и битум в её порах, обеспечивает резкое снижение вязкости битума

и его и поступление в скважину. А затем горячая водо-битумная «болтушка» (суспензия или эмульсия) откачивается на поверхность для разделения и переработки.

Сейчас на месторождениях Альберты из «битумных песков» при помощи скважин добывается более половины нефти. Эта технология добычи более экологически чистая, чем карьеры, хотя также потребляет очень много воды (для пара) и создаёт немалые объёмы жидких «отходов переработки». Но эта технология в большинстве случаев столь же энергозатратная, как и в карьерах, и, как правило, столь же дорогая.

По ряду опубликованных данных, средний уровень цен на нефть для рентабельной добычи из канадских «нефтяных песков» составляет около 80 долл./барр. и даже на самых богатых месторождениях не опускается ниже, чем 30–35 долл./барр. На себестоимость влияют не только высокие затраты на освоение месторождений, но и большое «плечо доставки» на мировые

рынки из провинции Альберта, расположенной «между двумя океанами».

Перспективы «нефтяных песков» пока удручающие

Обрушение мировых цен на нефть повлияло на «битумную» добычу в Канаде очень болезненно. Если летом 2014 г. из нефтяных песков Альберты получали более 1,6 млн барр. нефти в сутки, то к лету 2015 г. добыча, по последним данным, упала ниже 1,15 млн барр. в сутки. Многие уже начатые объекты добычи в бассейне Атабаска закрываются, объявленные ранее проекты отменяются.

В конце октября 2015 г. англо-голландская компания Shell объявила, что закрывает начатый в 2013 г. проект разработки нефтяных песков месторождения Carmon Creek в Альберте и списывает в убыток инвестиции в этот проект в объеме 2 млрд долл. И это не единичный случай.

В конце октября появились сообщения о том, что из разработки канадских битумных песков уходят все крупнейшие мировые нефтяные корпорации. А в начале ноября в канадской прессе появились публикации о том, что в стране «заморожено» уже 18 перспективных проектов разработки «нефтяных песков», и что многие добывающие компании находятся в предбанкротном состоянии.

Это очень больно бьёт не только по нефтяникам. Экономика Канады в очень высокой степени зависит от нефтедобычи. Во время «нефтяного бума», завершившегося обвалом цен, в страну устремились огромные инвестиционные деньги со всего мира. Как напрямую в нефтяные проекты, так и на фондовый рынок, в акции и облигации добывающих компаний. А национальные и зарубежные банки охотно кредитовали программы добычи на «битумных песках».

Теперь же, после того, как нефтяные цены рухнули, деньги уходят из страны столь

же стремительно, как приходили. Поскольку других «зон роста», способных инвестиционно заменить «нефтянку», в Канаде практически нет. Массированные продажи задёшево «нефтяных» акций и облигаций добывающих компаний быстро «опускают» фондовый рынок. Банки уже почти не выдают новых «нефтяных» кредитов и всё жёстче требуют возврата долгов.

Вдобавок нынешней осенью очень неприятный «подарок» канадским нефтяникам приподнес южный сосед — США (напомним, главный экономический партнёр Канады по Североамериканской зоне свободной торговли NAFTA). Решением Обамы был окончательно «похоронен» долго обсуждавшийся и полностью спроектированный магистральный нефтепровод Keystone XL, который должен был доставлять канадскую нефть из Альберты на переработку к американским НПЗ на побережье Мексиканского залива.

В результате канадские разработчики «нефтяных песков» лишились шансов на дешёвую до-

ставку сырья к крупнейшим потребителям своей «битумной» нефти. И сейчас многие из них для того, чтобы расплатиться хотя бы с самыми «горячими» долгами, отчаянно демпингуют, продавая добываемую нефть по цене в 22–23 долл./барр., то есть в 2,5–4 раза ниже цены рентабельности добычи.

В тяжёлом положении оказываются и многие банки, которые всё чаще перестают надеяться на возврат «нефтяных» кредитов. Соответственно, начинает «падать» вся национальная экономика. Как в конце ноября сообщил «Блумберг», выпадающие «нефтяные» доходы делают финансовую систему страны всё более дефицитной.

На будущий финансовый год (который в Канаде начинается с апреля) правительство запланировало дефицит бюджета на уровне всего 3,9 млрд канадских долларов. Однако эксперты убеждены, что это чрезмерно оптимистические планы. Поскольку бюджет на будущий год свёрстан в расчёте на цену канадской нефти в 54

Новый раунд глобальной нефтяной игры 80
долл./барр., а реальная цена может оказаться
как минимум в полтора раза ниже.

(Продолжение следует.)

Юрий Бялый

Классическая война

Русский героизм. Дранг на Москву

Пётр не хотел войны со Швецией — получив выход к Балтике и вернув России древнюю Ижорскую землю, он считал свою задачу выполненной. Но мстительный и злопамятный Карл не принимал ни одного из русских предложений о «добром мире». Он открыто заявлял о планах военного разгрома России

Причинами поражения русской армии под Нарвой были не только слабая подготовка русской армии, нерешительность военного руковод-

ства, измена офицеров-иностранцев, отсутствие Петра в момент сражения, — но и наличие боевого духа у шведской армии и отсутствие оногo у русской.

Шведы неслись на крыльях одержанных ими побед, и даже в самые трудные минуты битвы у них не было ни тени сомнения, что они одержат верх. А русские изначально трепетали перед гремевшей по всей Европе славой шведов-победителей.

При Нарве Пётр и русские получили урок военного профессионализма. И они этот жестокий урок усвоили, поняв, что надо модернизировать и обучать свою армию. Но одновременно они получили сильнейший психологический удар, который более слабая нация могла бы и не выдержать. И чтобы нейтрализовать этот удар, для русской армии надо было создать особую психометодику. И эта методика появилась.

В чём же она состояла?

Роберт Гарделль, Даниэль Гарделль. Король Швеции Карл XII. 1708 г.

Чтобы снять страх перед всегда побеждающими шведами, надо было начать их побеждать самим — пусть в малых сражениях, а не на главных театрах военных действий.

Рецепт был прост, но гениален — перейти к «малой войне», навязать неприятелю частые неожиданные стычки, совершать кинжальные опустошительные рейды в глубь вражеской территории и тут же отступать. Пётр настойчиво требует от своих генералов не рваться к лихой славе, а двигаться малыми шагами: *«Искание генерального боя зело суть опасно, ибо в один час может всё дело опровергнуто быть»*.

Вопреки западноевропейским «рыцарским» правилам, требовавшим разбить противника в одном генеральном сражении лицом к лицу, Пётр избрал «коварный» восточный приём набегов — мгновенный наскок преобладающими силами, удар и отступление. Такой приём позволял не ввязываться в затяжной бой. «Западник» Пётр на поверку отказался вполне достой-

ным наследником старых воинских традиций, сформированных за сотни лет противостояния кочевникам.

Но действенность этой тактики проявилась позже. Пока же нарвское поражение несло России огромные стратегические потери.

Рухнул международный военный престиж России — о победах под Азовом тут же забыли. Более того, вся европейская пропаганда подняла на щит «северного льва» и требовала от него добить Россию. Сам Карл XII преисполнился стойкого презрения к русским. Даже Дания — наследственный противник Швеции — отказалась дать России наёмников, не веря в её способность сопротивляться шведам.

Шведы же шли от победы к победе. Уже летом следующего 1701 года они разбили саксонскую армию Августа II, а к концу года овладели всеми укреплениями Ливонии. Весной 1702 года Карл в битве под Клишовым разбил поляков, у которых развилась такая же «шведобоязнь»,

как и у русских после Нарвы. Польско-саксонский король Август II бежал под защиту Священной Римской империи германской нации. У России не осталось ни одного союзника.

Однако в Польше шведы, тем не менее, завязли. Огромная контрибуция, грабежи костёлов и монастырей, систематические репрессии подняли против захватчиков холопов и оттолкнули панов. Часть шляхты устроила восстание против шведского ставленника короля Станислава Лещинского. Так, пусть и пассивным сопротивлением, но Польша помогла России — опасаясь за непрочный тыл, шведский король не мог сходу ударить на единственного оставшегося непокорённым врага — Россию.

Выигрыш во времени был сполна использован Петром. В 1701 году началась военная реформа — переход к регулярной армии. На службу забирали всех: канцеляристов, боярскую челядь и церковных служителей. Армия стала компактнее и мобильнее — был ликвидирован огром-

ный армейский обоз. Наняли иностранных бомбардиров и инженеров и учились у них искусству строительства лёгких земляных укреплений — потом они станут одним из решающих факторов, обеспечивающих победы русского оружия.

Спешно укрепляли Новгород, Псков и Архангельск. Тульские, уральские и олонечские заводы за пару лет произвели такое количество пушек, которое позволило восстановить потерянную после Нарвы артиллерию.

Уже через 17 дней после нарвской катастрофы конница Шереметева получила приказ *«разорять дальние места»* в Ливонии. Полгода генерал переформировывал и обучал деморализованных русских воинов, а потом начал целую серию «тренировочных» приграничных стычек и рейдов. Ордынская тактика была перенесена в Прибалтику — отряды драгун, казаков, татар, калмыков на низкорослых степных лошадах и даже верблюдах всё лето 1701 года устраивали набеги против мелких гарнизонов и отрядов про-

тивника. А зимой того же года был достигнут первый крупный успех. В битве при Эрестфере был разгромлен 4-тысячный отряд Шлиппенбаха.

В 1702 году рейды Шереметева стали глубже и смелее. Ливония, самое ценное сокровище шведской короны, беспощадно разорялась.

Одновременно русские готовились к осаде шведских крепостей. 14 октября 1702 года после кровопролитной осады был взят Нотебург (древняя русская крепость Орешек). При штурме особо отличился командовавший осадой М. М. Голицын, получивший за героизм золотую медаль и чин полковника. Взятую крепость переименовали в Шлиссельбург («Ключ-город»).

В мае 1703 года были взяты крепости Ям и Копорье. Стратегически эти три крепости рассекли надвое владения Швеции в Восточной Балтике.

В 1704 году русские взяли крепость Дерпт (древний Юрьев) — в третий раз после Ивана Грозного и царя Алексея Михайловича. И тут же приступили к осаде Нарвы. Здесь отлично

проявила себя русская артиллерия. Шотландец на русской службе фельдмаршал Огильви писал: *«я не знаю народа, умеющего лучше обращаться с пушками и мортирами, чем русские»*. После того как артиллерия проделала в стенах Нарвы две громадные бреши, начался штурм, закончившийся победой всего через 45 минут. Так был смыт позор «первой Нарвы».

Русские стали профессионалами во взятии крепостей. Достаточно сравнить: Азов брали пять месяцев, Юрьев — два с половиной, Нарву — два месяца. Да и вся армия закалилась в постоянных стычках и получила мощную прививку «антишведина», перестав страшиться победителей.

Однако военная сила Карла оставалась по-прежнему грозной. И, конечно, он не мог оставить русские победы без ответа. В конце 1707 года непобедимый король поднял свои войска для окончательной расправы над Петром и Россией.

Пётр не хотел войны со Швецией. Получив выход к Балтике (что было закреплено заложен-

ным в 1703 году Петербургом) и вернув России древнюю Ижорскую землю, он считал свою задачу выполненной. Но мстительный и злопамятный Карл не принимал ни одного из русских предложений о «добром мире». Он открыто заявлял о планах военного разгрома России.

Был задуман крупнейший поход на Москву. Сокрушающий удар в «сердце Московии» должен был навсегда покончить с варварами на Востоке. Швеция видела в России враждебную мощь, опасную не только для неё самой, но и «для всех соседних христианских земель».

Мы порой забываем, что серия западных «дрангов нах Остен» началась не с французов, а со шведов. Все те цели, которые впоследствии ставили перед собой Наполеон и Гитлер, первым поставил Карл XII.

Россию следовало расчленить, причём Швеции должны были отойти Новгородчина и Псковщина, Петра сместить, а царём поставить царевича Алексея. Шведский король рассчитывал,

что озлобленный поборами, реформами, брадобритием и антицерковным непотребством народ поднимется против «антихриста»-царя. Русскую же армию шведы походом на Москву намеревались принудить к генеральному сражению, в котором они неизбежно окажутся победителями.

На Россию надвигалась смертельная опасность. Пётр и его генералы решили погасить наступательную войну шведов планомерным отступлением и измором, опустошая пространство вокруг противника. Конница должна была постоянно тревожить неприятеля, угрожать его тылам и флангам, не давать покоя на стоянках. Лишь «поизнужив» врага, предполагалось дать решающий бой на своей территории.

Карл собирался двинуться из Польши и следовать в направлении Минск — Смоленск — Москва. С середины августа 1707 года во все города на пути следования шведов выслали предупреждения: всё ставить на военную ногу, выполняя приказы «как в день судный».

Для шведов уже начало похода сквозь леса и болота Мазовии стало мучением. Местное население, у которого насильно отбирали провиант, поднялось на партизанскую борьбу — с ним шведы расправлялись с крайней жестокостью. Из-за нападений русских и гибели большого количества обозных лошадей пришлось бросить часть фургонов.

На Немане шведскую армию остановить не удалось. Но и дальше двинуться она не смогла — конница Меншикова опустошила всю территорию от Гродно до Минска. Шведам пришлось стать на «зимние квартиры» и до лета дожидаться появления подножного корма. Но и здесь покоя не было — постоянно тревожили русские конные отряды, как волки, кружившие в десятке километров от шведов. К тому же на всю 30-тысячную армию и на самого Карла свалилась дизентерия. Генералы стали уговаривать короля сначала идти на Лифляндию, но Карл был неумолим — он считал свою мощь

несокрушимой, а расправу с русскими лёгким делом.

Русская армия отступала, не принимая сражения. К 1708 году её боеспособность практически сравнялась со шведской. Солдаты научились слаженно стрелять, их вооружили длинными пиками, как у шведов. Конница научилась атаковать противника холодным оружием. У Петра появились русские полководцы (Шереметев, Меншиков, Репнин, Апраксин, Голицын и др.), а сам он, не имевший, в отличие от Карла XII, классического военного образования и практики, перекрывал этот недостаток масштабностью военного кругозора и уровнем стратегического мышления.

Летом шведы двинулись через Белоруссию. Главные силы возглавлял сам Карл, 16-тысячный корпус генерала Левенгаупта был отправлен с обозом вперёд на московское направление, а 14-тысячному корпусу генерала Либекера ставилась задача овладения Петербургом.

Русская армия заняла позицию у села Головчино, чтобы прикрыть направление на Могилёв. 14 июля главные силы шведов во главе с королём предприняли столь излюбленную Карлом ночную атаку против дивизии Репнина. Пройдя сквозь топь и болото, шведы концентрированным ударом прорвали русские оборонительные порядки. После 4-часового ожесточённого рукопашного сражения русские отступили, но это не было их поражением и победой шведов. Позже Репнина за отступление судили, но суд был скорее демонстративный, чтобы всем стало понятно: русская армия не имеет права отступать, а должна драться насмерть! Через три месяца Пётр реабилитировал своего генерала.

И всё-таки русская армия не была разбита. Она вновь перекрыла шведам дорогу на Москву. Карл занял Могилёв и простоял там месяц, дожидаясь корпуса Левенгаупта, который в это время медленно передвигался по враждебной стране с огромным обозом. Не дождавшись его, Карл

двинул армию к Смоленску, но у села Доброе авангард шведов столкнулся с русским корпусом Голицына. В сражении шведы понесли большие потери, однако несмотря ни на что Карл продолжал упорно рваться к Смоленску.

Новое столкновение произошло 9 сентября у Раевки, где шведы потеряли до 2 тысяч человек убитыми. 10 сентября шведская армия добралась до деревни Стариши, но здесь её наступательные возможности были исчерпаны.

14 сентября Карл поневоле принял решение отказаться от похода на Москву и повернул на Украину. Там предавший Петра и перешедший на сторону шведов гетман Мазепа обещал ему поддержку 30-тысячной казачьей армии и польско-шляхетских отрядов.

Но Карл не знал, что на Украине его ждёт не поддержка казаков, а Полтава.

(Продолжение следует.)

Социальная война

Трансформация учебников как фактор войны с образованием

Советская система образования, восходящая к русской традиции обучения, за три десятилетия (30-е, 40-е, 50-е гг.) в результате совместного труда методистов-наставников и педагогов-практиков была доведена до высочайшего уровня

Взять 2 раза по 2 ягоды. На рисунке взять 3 раза по 2 ягоды. Взять 4 раза по 2 ягоды. Взять 5 раз по 2 ягоды.

$2+2=$

$2\times 2=$

$2+2+2=$

$2\times 3=$

$2+2+2+2=$

$2\times 4=$

$2+2+2+2+2=$

$2\times 5=$

Объяснение умножения в учебнике Пчелко

УМНОЖЕНИЕ ЧИСЕЛ

252. Объясни, как дети измеряли объёмы воды в сосудах. Сравни объёмы T и K .

Миша

 T

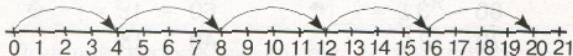
$$M \xrightarrow{21} T$$

 $T \dots K$

Саша

 K

Саша решил узнать, сколько основных мерок M уместится в объёме K , действуя не с водой, а на числовой прямой так:

Чтобы узнать число основных мерок в величине, выполняют **умножение** чисел:

$$4 \cdot 5 = 20$$

По 4 взять 5 раз — получится 20.

4 умножить на 5 — равно 20.

Глас народа — глас Божий

Мы возвращались в Москву. Мы — это Вера Сорокина, Павел Расинский и я. Сибирский круглый стол, на котором обсуждалась возможность реанимации российского образования, напроочь истерзанного «либеральными» реформами, получился содержательным, конструктивным и динамичным. В Новосибирском аэропорту мы прошли регистрацию и решили перекусить в ближайшем кафе. Посетителей практически не было, если не считать молодой миловидной женщины, допивавшей свой кофе неподалёку от нашего столика.

За нехитрой трапезой мы обменивались впечатлениям об услышанном от участников форума. Делились собственными размышлениями по болезненным проблемам образования. Особенно горячо и, скорее всего, достаточно громко мы обсуждали содержание учебников по математике для начальной школы. Возмущались их

абсурдностью, дидактическими безобразиями, психологическими ошибками и педагогическими извращениями. Критиковали таких корифеев-реформаторов, как В. В. Давыдов, Л. В. Занков, Л. Г. Петерсон. И вот, когда наш разговор набрал достаточно высокую степень эмоциональной напряжённости, рядом с нами вдруг внятно прозвучал авторитетный совет: «Старые учебники надо брать и не морочить детям голову!» Оказывается, это миловидная соседка решила вмешаться в наш разговор. *«У меня муж окончил физмат МГУ, — ещё более убедительно продолжила она, — в математике разбирается. Но круче старых учебников ничего нет, если вы хотите, чтоб дети что-то знали... Муж взял советские учебники и по ним учил нашего ребёнка. Теперь у него проблем с математикой нет».*

Мы несколько опешили. Вот, оказывается, как думают и действуют наши родители! Они уже давно различают хорошие и плохие учебники, отлично понимают, что полезно, а что вредно

для развития и обучения их детей. Наши грамотные родители не верят наукообразной трескотне модернизаторов и оптимизаторов от Минобра. Горький перестроечный опыт многому их научил. Родители не ждут помощи от школы, а точно знают, что им необходимо противостоять чиновникам-разрушителям и управленцам-ликвидаторам, которые сознательно и целенаправленно делают всё, чтобы качество образования становилось всё ниже, а процесс обучения — всё невыносимее для наших детей.

Этот «глас из народа», прозвучавший в новосибирском аэропорту, на мой взгляд, и есть та самая настоящая итоговая Резолюция, которую родительская общественность сформулировала по результатам всех своих *больших и малых научно-практических «конференций»*, проходивших повсюду: и дома, и на работе, и на просторах соцсетей. Этот «глас из народа» может стать историческим приговором, на котором уже стоит печать мученичества наших школьни-

ков и тех педагогов, которые мужественно защищают здравомыслие и разумность в процессе обучения. Да, либералы «прихватизировали» судьбу российского образования. Но родители во многом разобрались, и мириться с этим больше не будут. Вместе мы намерены остановить процесс дебилизации юных поколений российских граждан и защитить традиционные ценности отечественного образования.

Изгнанная традиция

Почему же советские учебники стали столь популярны среди родителей?

Ну, прежде всего, потому, что они понятны детям. Учебный материал, излагаемый последовательно и постепенно, постоянно обращается к жизненному опыту ребёнка, к полученным ранее знаниям. Все новые сведения по изучаемым предметам располагаются с учётом детской логики, в пространстве здравого смысла. Поэтому,

с одной стороны, легко усваиваются учениками, а, с другой стороны, — родители всегда имеют возможность объяснить своим детям непонятное, если возникнут затруднения при выполнении домашнего задания.

Дидактической особенностью преподавания в советской школе была опора на *смысловую* образность и деятельностьную наглядность. Что это значит?

При изучении арифметического счёта в начальной школе в распоряжении учеников был большой арсенал наглядных пособий, а не только счётные палочки, как это может показаться. Задачи, представляющие собой математические рассказы, могли касаться любых жизненных сюжетов. Школьники их просто решали, «щёлкали» по соображению. Развивалась смекалка и математическая интуиция. Ребёнок **осваивал** и **описывал мир** языком чисел и цифр: раньше он видел просто дом, а теперь он может сосчитать его этажи, подъезды, окна. Много

из окружающей действительности он может теперь просто сосчитать. И даже записать цифрами. А значит — овладеть! Ведь для человека познать что-либо — означает иметь власть над познанным. Неслучайно в древних языках «знать» и «власть» — однокоренные слова. Благодаря этому познавательный интерес в советской начальной школе был очень высок. Ребёнок как личность чувствовал себя «бóльшим», чем усваиваемые им знания. Всякий новый учебный материал открывался небольшим сюжетом и был доступен для детского ума, становился его знанием. Крепкие вычислительные навыки по арифметике становились фундаментом понимания всех изучаемых в дальнейшем естественных дисциплин. Так, с умозрения научных фактов началось формирование мировоззрения, а позже (в средней и старшей школе) — научной картины мира. Вот почему для советских учеников слова М. В. Ломоносова, что «*математику уже затем учить надо, что она ум в порядок приводит*»

были наполнены вполне конкретным смыслом.

При научении чтению и письму младшим школьникам открывалось правописание. Одно дело — говорить (чем они уже владеют), но совсем другое дело — знакомые слова записать. Не обременяя излишним теоретизированием, младших школьником учили формулировать и записывать свои мысли: сначала — с помощью ответов на поставленные вопросы, а затем, — описывая наблюдения за временем года, делась впечатлениями о прочитанном, письменно рассказывая о проведённых каникулах. И о многом другом. И к концу четвёртого года обучения ученики начальной школы умели писать и диктанты, и изложения, и мини-сочинения. Разум их укреплялся, благодаря хорошо организованной системе знаний, за что и ратовал К. Д. Ушинский. В средней и старшей школе познания о родном языке и литературе расширялись. И выпускник мог письменно формулировать свои размышления и представления как по заданным темам, так

и на свободную, выбранную им самим.

В рамках советской традиции преподавания учитель имел право объяснять учебный материал «своими словами», подбирая такие аллегории, символы и образы, которые бы в наибольшей степени помогали ученикам понять суть изучаемой темы, овладеть тем или иным умением и навыком. Дети были разные, поэтому и методический арсенал учителя был многообразным. Это неизменно повышало его личное педагогическое мастерство, заключавшееся в том, что один и тот же материал он умел объяснять по-разному. Больше всего учитель заботился, чтоб во всём был смысл, логика, разумность. Принцип понимания был главным критерием, определяющим правомерность тех или иных методов и стилей преподавания.

Советская система образования, восходящая своими истоками к русской традиции обучения, за три десятилетия (30-е, 40-е, 50-е гг.) в результате совместного труда методистов-наставников

и педагогов-практиков была доведена до высочайшего уровня. Стабильные учебники, выверенность учебных планов, единых школьных программ, преемственность всех ступеней обучения стали основой уникальной системы советской образования. Особой методической филигранностью отличалось обучение в начальной школе. Все знания усваивались детьми достаточно просто и с интересом, а домашние задания школьники выполняли, как правило, самостоятельно, легко и быстро. Оценки по пятибалльной системе ставились сразу, начиная со второй или третьей недели первого класса. Они внятно отражали качество учебной деятельности детей, помогали мобилизации их усердия, ориентировали родителей. Подавляющее число учащихся могли осваивать программу на 4 и 5. Это свидетельствует о высочайшем психологическом и педагогическом качестве как самих программ, так и созданных учебников, дидактических и методических пособий.

Благодаря высокому уровню школьного образования наша страна, несмотря на тяжелейшую войну и послевоенную разруху, смогла за короткое время стать в культурном и техническом отношении высокоразвитым государством.

Престиж образования был высок и умножал число высококлассных специалистов и учёных. Поэтому все послевоенные десятилетия СССР конкурировал с США, экономика которой не только не пострадала от войны, но и в значительной степени обогатилась за счёт военных поставок.

Но беда пришла оттуда, откуда её никто и не ждал. Из собственной Академии педагогических наук (АПН) и Министерства просвещения.

Первым Президентом АПН РСФСР в 1943 году стал В. П. Потёмкин. Задачу создания Академии он видел так: *«Академия педагогических наук призвана выполнять серьёзную творческую научную работу. Не подлежит сомнению, что эту свою работу она построит на <...> лучших*

традициях национальной русской педагогики, которая уже внесла в сокровищницу мировой педагогической науки свой полновесный вклад. Самобытность и оригинальность русской педагогики можно проследить с самого начала её зарождения... Её основные черты — гуманизм, демократизм, пламенная вера в творческую силу науки и просвещения, глубокий патриотизм и народность, бережное отношение к личности ребёнка и стремление развить в нём лучшие черты, свойственные нашему великому народу, — трудолюбие, скромность, самоотверженную преданность Родине, любовь к свободе».

Но среди тех, кто пришёл в АПН позже, а в дальнейшем и возглавил «научную работу», оказалось много «реформаторов», цель которых была противоположной — разрушение и слом традиций русской педагогики. Самыми талантливыми (а потому и самыми одиозными) среди них были: А. Я. Хинчин, А. И. Маркушевич, В. Л. Гон-

чаров, Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов. Свою личную научную карьеру они связывали с уничтожением основ «устаревшей» педагогической теории и практики. Их стремление было направлено на создание новой «современной» школы. Авангардистские реформы, остановленные руководством страны в 1930-е годы, неформальный коллектив единомышленников-обновленцев с жестоким упорством начал внедрять в содержание образования, начиная с конца 1950-х годов.

Первой «под нож» пошла школьная математика.

Необходимость «слома» системы школьного математического образования, «коренного» пересмотра его содержания реформаторы мотивировали *«отрывом школьного образования от современной науки»*. Ложность этого утверждения очевидна, так как общее школьное образование призвано дать всем учащимся знание основ наук, а не информировать о последних до-

стижениях современной науки. Вот как об этом написал в своей книге «Проблема качества математического образования» кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Высшая математика-1» Ростовского государственного университета путей сообщения И. П. Костенко: *«Процесс роста наук может влиять на высшее профессиональное образование, поскольку от него, действительно, зависят требования к специалистам. <...> Развитие науки математики не отменило ни одного положения школьного курса математики. Ни одного!»*

Далее началась лукавая критика стабильных учебников по математике А. П. Киселёва и Н. А. Рыбкина. Многие претензии А. И. Маркушевича (*«в учебник не проникли идеи функции», «действия над иррациональным числами», «два действия, обратные возвышению в степень»* и др.) — были просто ложными. Ложь была необходима для того, чтобы доказать, что учебник Киселёва устарел. Все ценнейшие педагогические

приёмы великого педагога-практика преподносятся в критике Маркушевича как «архаическая точка зрения» Киселёва. Стабильные учебники по математике в 1956 году были «изгнаны» из школы. Начался период хаотизации учебников, поспешного написания новых планов, программ. Так был запущен процесс всё более нарастающей деградации российского образования и искусственной дебилизации детей, растянувшийся на десятилетия.

И вновь соблазны Запада

В середине XX столетия школьное математическое образование оказалось под пристальным вниманием Международной комиссии по народному образованию. Своей целью эта комиссия обозначила *«улучшение современного математического образования»*. В 1954 году в Амстердаме на Международном математическом конгрессе Комиссия предложила участникам доклад

о радикальной реформе курса школьной математики.

Большую роль в «осовременивании» школьного математического образования сыграла деятельность швейцарского психолога *Ж. Пиаже*, нидерландского философа и психолога *Э. Бет*, французских математиков *Ж. Дьёдонне*, *А. Лихнеровича*, *Г. Шоке*, английского педагога-реформатора *К. Гаттеньо*. Но всему задавала тон группа французских математиков под коллективным псевдонимом *Николя Бурбаки*.

В 1956 году в работе XIX Международной конференции по народному образованию в Женеве участвует академик АПН СССР *А. И. Маркушевич*. Идеи бурбакизма провозглашаются на ней ведущей концепцией, соответствующей современному развитию математической науки. Суть этих идей состояла в возможности аксиоматического построения математики как единой науки. То есть более абстрактного построения, в отличие от русской традиции, где обучение шло не на

оторванных от жизни аксиомах, а на жизненных примерах, что гораздо понятнее ребёнку. Таким образом, Н. Бурбаки определил математику как науку о математических структурах и их моделях.

Тогда же психолог Жан Пиаже поставил вопрос о необходимости обновления содержания школьного образования и приведения курса математики в соответствие с современными научными взглядами. Многие работы зарубежных реформаторов были переведены на русский язык. В 1961 году вышла книга «Преподавание математики». В ней были такие главы:

1. Структуры математические и оперативные структуры мышления. — Ж. Пиаже.
2. Размышления об организации и методе преподавания математики. — Э. Бет.
3. Абстракция в математике и эволюция алгебры. — Ж. Дьёдонне.
4. Проникновение духа современной алгебры в элементарную алгебру и геометрию. — А. Лих-

нерович.

5. О преподавании элементарной геометрии. — Г. Шоке.

6. Педагогика математики. — К. Гаттеньо.

Вопреки разумному сопротивлению многих математиков и педагогов бурбакизму было суждено оказать существенное влияние на школьное математическое образование как у нас в стране, так и во всём мире. К ужасу учителей и родителей в учебники стало проникать такое изложение тем, которое было неудобоваримым ни для понимания старшим, ни, тем более, для усвоения младшими.

Давайте для сравнения посмотрим, как объяснялось в школе умножение в учебнике Пчелко и в более позднем учебнике Давыдова. (См. рисунки)

Как можно заметить, первый рисунок гораздо более понятен для школьника, хотя, конечно, менее абстрактен. В чём же разница? В том, что

у Пчелко обучение идёт по направлению от конкретного к общему, что понятнее для ребёнка, который гораздо легче оперирует жизненным опытом, распространяя его дальше на более общие понятия. У Давыдова же обучение движется от абстрактного к частному, что гораздо сложнее для понимания школьника.

При этом нужно заметить, что в учебнике Пчелко умножение изучается в 1-м классе в 3-й четверти, а по учебнику Давыдова — во 2-м классе в 3-й четверти. Как мы видим, правильная форма подачи материала позволяет на год раньше изучать темы. И при этом гораздо эффективнее. Кому-то может показаться, что я, не будучи одним из корифеев математики, занимаюсь огульной критикой таких общепризнанных корифеев, как Бурбаки. Тем, кому так кажется, предлагаю ознакомиться, например, с суждением одного из общепризнанных математических корифеев — академика Л. С. Понтрягина. Он пишет: «... на определённом эта-

пе развития математики высокоабстрактная теоретико-множественная концепция ввиду её новизны стала модной, а увлечение ею — превалировать над конкретными исследованиями. Но теоретико-множественных подход — лишь удобный для математиков-профессионалов язык научных исследования. Действительная же тенденция развития математики заключается в её движении к конкретным задачам, к практике».

Можно привести множество примеров критики бурбакизма со стороны выдающихся математиков. Кроме того, я вовсе не собираюсь обсуждать бурбакизм как таковой. Я обсуждаю психологию восприятия этого самого бурбакизма учащимся младшей школы. Этот вопрос, поверьте, полностью входит в мою профессиональную компетенцию. И, наконец, Бурбаки с их теорией как вошли в моду, так и вышли из неё. И это тоже общеизвестно.

Однако, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. бур-

бакизм ещё был в моде. Он пленял «математический мир» своей категоричностью и модернизмом. Стиль Бурбаки ворвался во все учебники Западной Европы и США, пошла волна увлечения так называемой «новой математикой». В моду вошла не столько теория множеств (ничего не имею против неё), сколько полная формализация на основе понятия *алгебраической структуры*. Эта формализация ставилась бурбакистами во главу угла школьного курса, из которого фактически была изгнаны арифметика и вся настоящая геометрия. Ключевые слова, характеризующие бурбакизм, — это *абстрактность, формализация, догматизм*.

К началу 1960-х годов большинство западных стран стали включать в курс школьного образования элементы теории множеств и математической логики, начало теории вероятностей и математической статистики, самые абстрактные понятия современной алгебры. Модернизировалась математическая терминология и символика.

Сокращалась арифметика, исключалась элементарная геометрия и тригонометрия. Школьные программы Франции, Англии, Бельгии, США и Канады активно внедряли в основной курс математики дедуктивный метод (от общего к частному), учебники строились аксиоматически на базе теории множеств. Понятия и определения излагались сложно и наукообразно.

В 1966 году в Москве состоялся Международный математический конгресс.

К этому времени призыв к обновлению школьных программ звучал из АПН уже достаточно требовательно и безапелляционно. Идея о «вредности решения задач арифметическим способом» была одной из основных разрушительных реформаторских идей. Ещё в 1961 году А. И. Маркушевич, выступая на совещании-семинаре учителей, потребовал *«... критически пересмотреть традиционное отношение к арифметическим методам решения задач и остатки «культа» этих методов изжить*

из нашей школы. Это будет одним из шагов на пути сближения школы с жизнью». Немногие сопротивлялись. Но все критические статьи блокировались, так как научные и педагогические журналы находились в руках обновленцев.

На московском Конгрессе огромное впечатление на русскую аудиторию произвёл экстравагантный образ «действующего» бурбакиста Адриена Дуади, выступавшего с секционным докладом босиком и в рваных джинсах. Такое «попрание» аскетической морали советского образа жизни оказало на реформаторов просто гипнотическое воздействие. Другой французский учёный Жан Дьёдонне, уверенно пропагандировавший крайне бурбакистские взгляды на математическое образование, ещё более воодушевил слушателей на борьбу с традиционной методикой преподавания школьной математики.

После этого разрушительные реформы школьного образования стали набирать обороты. А. И. Маркушевич развернул широкую

идеолого-просветительскую работу по пропаганде и разъяснению новых программ. Вот примеры его риторики: «Необходимо сломать многие установившиеся традиции», «Необходимо начать с перестройки преподавания в младших классах», «Искусственные, архаические методы решения арифметических задач должны быть изъяты из школы», «Целесообразно дать аксиоматическое изложение основ элементарной алгебры», «Необходимо дать систематический курс геометрии на аксиоматической основе».

Новое всегда привлекает. Бурбакизм был в моде. Его построения многим казались верхом изящества. Никто из авторитетов своевременно не предостерёг от опрометчивого внедрения бурбакизма в школьные программы. Вопрос о восприятии бурбакизма школьниками не был включён в повестку дня научных дискуссий. Фактически шла игра в одни ворота. Эта игра побуждала учителей к отказу от обучения по ста-

ринке, она завораживала их обещаниями о возматости «эффективности» математического образования. Об этом хорошо написал советский математик-педагог, доктор педагогических наук, профессор Юрий Михайлович Колягин в своей книге «Русская школа и математическое образование», вышедшей в 2001 году: *«Подавляющее большинство отечественных математиков-педагогов... заразились этим новым «поветрием» с Запада. Никто тогда и не думал о том, какой урон нашей отечественной средней школе нанесёт это реформа, как долго придётся устранять её последствия».*

С 1967 г. официальным руководителем реформирования школьного образования становится академик А. Н. Колмогоров, один из лучших советских математиков, имеющий мировое признание. На самом деле он был призван обновленцами для легитимизации идей предстоящей реформы, а его высочайший научный авторитет и личные качества эффективно исполь-

зовались для нейтрализации критического отношения к нововведениям АПН и «пробиванию» реформы на всех уровнях системы образования. Саму реформу так и называли «колмогоровской». Вот так и случилось, что А. Н. Колмогоров, будучи гениальным математиком и никудышным педагогом-психологом, закрепил идеи бурбакизма в советском образовании. Моя субъективная оценка? Полно! Гениальный ученик академика А. Н. Колмогорова академик В. И. Арнольд, неизменно подчёркивающий уважение к своему учителю, горячо и отчаянно громил бурбакистскую реформу школьного образования и призывал вернуться к учебникам Киселёва! Но, увы, арнольдовские, очень авторитетные и обоснованные оценки были всего лишь запоздалой реакцией на деструктивный образовательный блицкриг, осуществлённый апологетами бурбакизма.

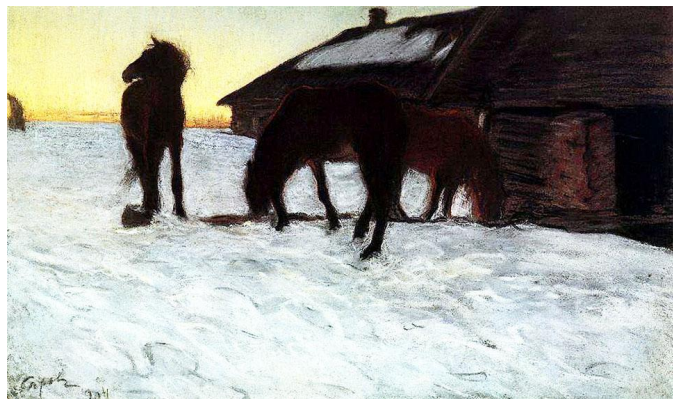
(Продолжение следует.)

Надежда Храмова

Культурная война

Десоветизация живописи. Часть IV

В 1905 году сочувствие художников революции было почти всеобщим. Особенно интенсивно участвовали в ней художники, связанные с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества, учащиеся которого в большинстве своём были на стороне восставших, принимали участие в боевых дружинах, проводили в здании училища собрания и митинги, устроив в нём столовую для забастовщиков и лазарет для жертв полицейского террора

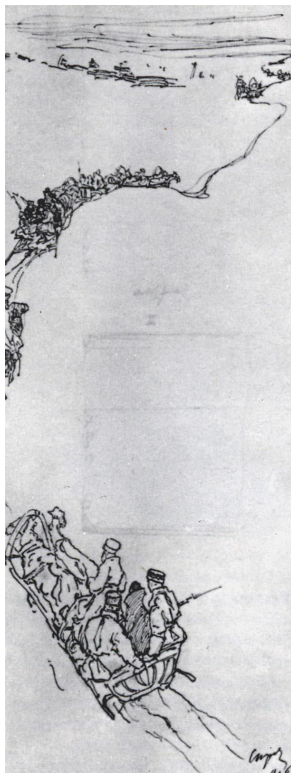
В. А. Серов. Стригуны на водопое. 1904 г.

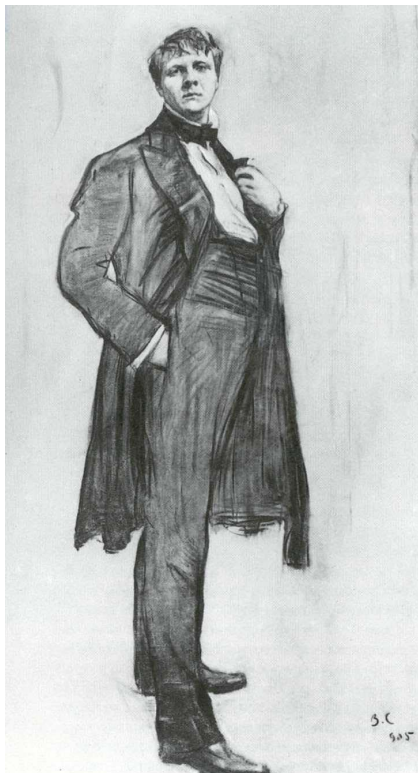
В. А. Серов. Сумской полк Расстрел в Москве 14 декабря 1905 г.

В. А. Серов. Виды на урожай. 1905 г.

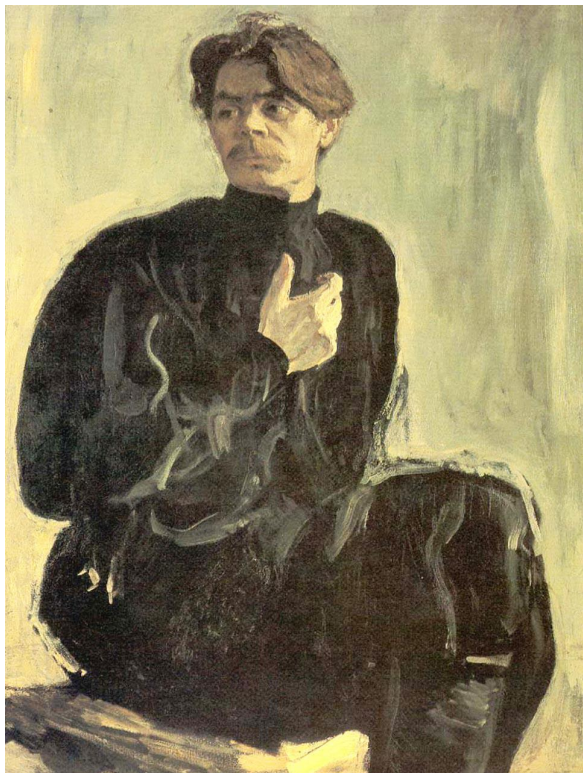
В. А. Серов. Везут в ссылку учителей. 1906 г.

В. А. Серов. Портрет Фёдора Шаляпина. 1905 г.

В. А. Серов. Портрет М. Н. Ермоловой. 1904 г.

В. А. Серов. Портрет Максима Горького. 1905 г.

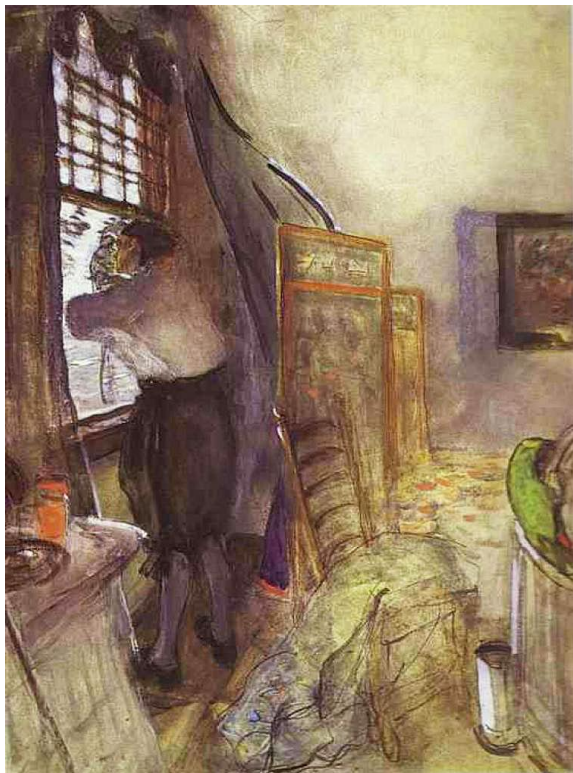
В. А. Серов. Новобранец. 1906 г.

В. А. Серов. Пётр I. 1907 г.

В. А. Серов. Пётр I на работах. 1911 г.

В. А. Серов. Пётр I в Монплеzure. 1910-11 гг.

В. А. Серов. Купание лошади. 1905 г.

В предыдущих статьях мы уже говорили о важнейшем для понимания личности и творчества Серова, но фактически проигнорированном устроителями выставки на Крымском валу «сюжете», а именно — нелицеприятности его характеристик членов «дома Романовых», его отказе

писать царские портреты (**«в этом доме я больше не работаю»**) и его вполне определённой социальной и художественной позиции в период революции 1905–1907 гг. и последующей реакции.

В этой же статье хотелось бы остановиться на проблеме отражения событий того времени в судьбе и творчестве художника поподробнее, тем более что без представления о них невозможно полноценное понимание природы и стилистики всего позднего творчества художника и его места в русском искусстве Серебряного века.

Как писал один из крупнейших советских искусствоведов (кстати, учитель практически всех устроителей выставки), Д. В. Сарабьянов (1923–2013): *«Серова-художника революция не застала врасплох»*. Уже в его картинах, посвящённых тяготам народной жизни (как, по своему, и в портретах царской семьи) *«вызревала революционная тема, которая естественно*

вошла в 1905–1906 годы в творчество Серова, как и многих других русских художников».

В 1904 году в творчестве Серова появились образы, отчётливо говорящие об остроте восприятия сверхчутким мастером грозных событий начала нового столетия, в частности, работа «Набор» (или «Новобранец» — в варианте 1906 г.) — прямая реакция на постыдные поражения русской армии в бессмысленной войне с Японией. Даже замечательный домоткановский зимний пейзаж «Стригуны на водопое», на котором запечатлены молодые кони, один из которых настороженно смотрит в сторону вечерней зари, — словно наполнен каким-то вещим и тревожным предчувствием.

И всё-таки, когда художник стал свидетелем рокового расстрела войсками мирного шествия в Кровавое воскресенье, он был потрясён до глубины души: *«То, что пришлось мне видеть из окон Академии художеств 9 января, не забуду никогда — сдержанная, величественная, без-*

оружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу — зрелище ужасное...» (из письма художника).

Вместе с Поленовым он потребовал зачитать на собрании Академии художеств их протест против того, что Великий князь Владимир Александрович, как *«лицо, имеющее высшее руководительство над этими войсками, пролившими братскую кровь, в то же время стоит во главе Академии художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов».*

В письме Серову по поводу этого протеста Поленов цитировал пушкинское:

*Товарищ, верь, взойдёт она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.*

После же того как письмо было положено «под сукно», Серов вышел из состава Академии.

Чувством причастности к знаменательным событиям и судьбе революции были проникнуты и дальнейшие поступки и творчество Серова. В 1905–1907 годах он не только подписал целый ряд коллективных писем:

- «Резолюцию 113 художников», требовавших обновления строя, свободы совести, слова и печати;
- протест против исключения из школ сочувствующих революции учеников;
- послание в поддержку уволенного из консерватории за сочувствие революции Н. Римского-Корсакова и другие письма, но и принял в событиях гораздо более активное участие.

Если иные из художников предпочитали сочувствовать революции «со стороны», то Серов по мере сил деятельно помогал восставшему народу. Он писал А. Бенуа, на время уехавшему в Париж: *«Ах ты, эмигрант. Не хочешь с нами кашу есть»*, и, по воспоминаниям бывшего

мирискусника Лансере, говорил: «Когда родная страна находится под диким гнётом авантюристов, когда народ истекает кровью в борьбе против осуждённого исторически режима самодержавия, художник, который не хочет и не может оторваться от своей страны и своего народа, безучастным остаться не может. Мы не можем и не хотим стать в положение посторонних скептических наблюдателей».

Справедливости ради необходимо подчеркнуть лживость распространяемого сейчас (в связи с серовской выставкой) совершенно возмутительного мифа о том, что «придворный живописец Серов приветствовал революцию 1905 года и благодаря этому его в СССР не запретили, и он не разделил участи друзей-мирискусников». Это — слова внучки академика Д. Лихачёва, журналистки Зинаиды Курбатовой, из телепередачи от 6 ноября сего года, в которой участвовало целых две директрисы Третьяковки (бывшая и настоящая), передачи, в которой трудно найти со-

ответствующее истине слово. (См. также статью З. Курбатовой в декабрьском номере журнала «Русский мир», где она трактует Серова как художника *«России, которую мы потеряли»*.)

На самом же деле в 1905 году революцию приветствовали практически все члены общества «Мир искусства», вплоть до «куртуазного» К. Сомова, писавшего Бенуа 19 декабря 1905 года: *«Я восхищаюсь каждой новой победой революции, не сомневаясь в её добре, зная, что выведет нас не в пропасть, а к жизни. ...Горький понравился»*.

Большинство из мирискусников принимало участие в сатирических антиправительственных журналах, а некоторые даже были арестованы (например, И. Билибин).

Вообще, трудно найти приличного русского художника, который в 1905 году не сочувствовал бы революции. В три выпуска изданного в советские годы альбома-справочника «Революция 1905–1907 годов и изобразительное искусство», содержащего сотни имён, вошли далеко не все

художники, участвовавшие в тех событиях и даже дравшиеся на баррикадах (например, К. Малевич). Причём это одинаково относится и к передвижникам, и тем более к молодёжи — будущим авангардистам. (Суриков, например, тогда начал работу над большой картиной «Степан Разин». Интересно, что бы он сказал сегодня своему потомку — Никите Михалкову?)

Что же касается «эмигранта» А. Бенуа, то он не только «принимал» революцию 1905 года, но и, как писал в 1923 г. В. Ленину друживший с ним А. Луначарский, *«принял октябрьский переворот ещё до Октября»* и почти 10 лет активно участвовал (как и Грабарь) в организации музейной жизни Советской России.

Другое дело, что, по воспоминаниям Лансере, в 1905 году многие художники воспринимали революцию как борьбу «всего народа» против самодержавного строя, и среди мирискусников, наряду с наиболее радикальной, революционно-демократической группой (Лан-

сере относит к ней себя, Серова, Кустодиева, Добужинского, Остроумову-Лебедеву, Кардовского и др.) были и «либералы» — люди, которые *«через двенадцать лет заняли свои позиции по ту сторону баррикад»*. И это требует своего честного и историчного осмысления. Но не замечать наличие этой энергии у большинства художников в 1905–1907 годах нельзя, поскольку именно реакция на поражение революции (разочарование, испуг, «отлёт») её бывших адептов была важнейшим фактором, без которого нельзя понять природу русской культуры Серебряного века в последующие годы.

В 1905 же году сочувствие художников революции было почти всеобщим. Причём особенно интенсивно участвовали в ней художники, связанные с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества, студенты которого (как и Московского университета) в большинстве своём были на стороне восставших, принимали участие в боевых дружинах и проводили в здании учили-

ща собрания и митинги, устроив в нём столовую для забастовщиков и лазарет для жертв полицейского террора. Об этом вспоминает, в частности, активная участница событий «домоткановка» Н. Симонович-Ефимова.

19 октября 1905 года состоялись сходка студентов в училище и разогнанная казаками демонстрация с красным знаменем на Мясницкой улице, после чего учащиеся решили вооружиться и обратились к совету преподавателей с просьбой оказать материальную помощь. Под влиянием дирекции совет в этой помощи отказал.

И Серов (как и преподававший в училище замечательный живописец С. Иванов — автор известной картины «Расстрел») с полным пониманием и сочувствием относился к порывам молодёжи.

Летом и осенью 1905 года Серов присутствовал на съезде революционно-демократического крестьянского союза, выступавшего за отмену частной собственности на землю, и отдал нема-

ло сил и средств (своих и собранных у моделей и друзей — Коровина, Шаляпина и других) «на революцию». В частности — на обеспечение работы бесплатных столовых для восставших рабочих, устроенных приехавшей в Москву его матерью. Некого же мецената, оскорбившего Валентину Семёновну, он (отец шестерых детей), по воспоминаниям его дочери, вызвал на дуэль. Дело закончилось извинениями обидчика.

Более выразительно и одухотворённо, чем у кого-либо из художников, отразился присущий тому времени дух борьбы за утверждение человеческого достоинства и раскрепощение творческих сил человека и в произведениях Серова. В его работах, исполненных в период разрастания народно-освободительного движения, появляется особая широта дыхания, какое-то гордое и свободное утверждение «выпрямленного», вдохновенного человека-творца. Таковы, прежде всего, портреты Ф. Шаляпина, М. Ермоловой и М. Горького — одного из тех, кто

непосредственно творил революцию. Причём тот же Д. В. Сарабьянов справедливо считал, что подобные образы Серова были *«более эквивалентны событиям и подъёму»* эпохи, чем многие работы других мастеров, непосредственно запечатлевшие отдельные эпизоды революции.

Серовские пейзажи, исполненные летом 1905 года, отличаются особой бодростью, мажорностью звучания и небывалой разомкнутостью пространства в освещённую солнцем бескрайнюю морскую даль и высокое небо. Его картина «Купание лошади» воспринимается ныне как прямой предшественник и «Купания красного коня» ученика Серова, Петрова-Водкина, и даже одного из лучших и искреннейших воплощений жажды «светлого будущего» советского времени — картины А. Дейнеки «Будущие лётчики».

Осенью же 1905 года, когда протесты против обманного царского Манифеста о даровании населению *«незыблемых основ гражданской сво-*

боды» вылились во всероссийскую стачку, а затем и декабрьское восстание, зверски подавленное, Серов не только всей душой был на стороне народа и как никто остро передал трагизм происходящего. Он был свидетелем атаки казаков на безоружную толпу в районе Училища на Мясницкой.

Вместе с тысячами скорбящих он шёл за гробом Николая Баумана, убитого агентом царской охранки, запечатлев эту величественную процессию в замечательном эскизе, внёсшим в его искусство и новые чисто художественные, монументальные качества (этому посвящена известная каждому искусствоведа классическая статья А. Бакушинского «Формальное разрешение мотива «шествия» у Серова»).

А 14 декабря буквально дрожащими от ужаса руками им был исполнен поразительный документ эпохи: натурная зарисовка расстрела демонстрантов солдатами элитного Сумского полка (точнее — «3-го драгунского Его королевского

Высочества наследного принца Датского полка»), хранящаяся ныне в бывшем Музее Революции.

Широко известен факт участия Серова в сатирическом антиправительственном журнале «Жупел», в первом номере которого (декабрь 1905 года) была опубликована его работа «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?», оригинал которой Серов подарил Горькому (ведшему литературную часть журнала; в художественной — сотрудничали в основном участники «Мира искусства»).

Были исполнены Серовым и убийственные карикатуры на царя и императрицу, в том числе «После усмирения» — изображение императора, с теннисной ракеткой под мышкой награждающего бравых усмирителей крестами «за храбрость» на фоне штабелей трупов, и «Виды на урожай 1906 года» — рисунок, имевший в виду идущие по всей стране расправы с участниками крестьянских волнений. Исполнил Серов и рисунок для вышеупомянутого Крестьянского сою-

за: изображение длинной череды повозок, увозящих на север ссыльных учителей.

Происходившее жестокое подавление революции и наказание её участников во времена «столыпинских галстуков» в какой-то степени коснулись и лично Серова: среди репрессированных было много его знакомых и даже родственников. Так, большая часть семьи его родной сестры (по матери) Надежды Немчиновой, участвовавшей в Сочинском вооружённом восстании 1905 года, была выслана в разные отдалённые губернии. Серов, по её воспоминаниям, не только глубоко сочувствовал им и оказывал денежную помощь, но и (при свидании в 1907 году) *«расспрашивал о нашей семье, о крестьянских сходках и собраниях в нашем доме, обо всех событиях Сочинского восстания... Ты теперь не буржуй? — спрашивала я, смеясь... (мемуаристка имеет в виду относительную индифферентность Серова к политике в прежние годы. — В.П.) — Приходится по условиям жизни*

оставаться буржуем, но... — и он не закончил фразы, красноречиво закрутив руками».

К слову сказать, А. Фронштейн (помните, когда-то особенно близкий маленькому Серову и рассказывавший ему сказки в коммуне под Смоленском), с оружием в руках возглавлявший Сочинское восстание (стоит почитать о нём в Интернете), после избиения жандармами потерял зрение.

Репрессированы были и многие из принимавших участие в революции студенты Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

После наступления столыпинской реакции жизнь Серова внешне как бы вернулась в прежнее русло преподавания в Училище (занятия в нём возобновились в 1906 году после временного закрытия): работы над заказными портретами, участия в выставках и в деятельности Совета Третьяковской галереи. Но потрясения времён революции наложили на поведение и творчество Серова сильнейшую печать и обуслови-

ли «крайние политические убеждения» (Репин), присущие ему до конца дней. Серов наотрез отказался подписывать обязательство *«не состоять членом противоправительственных политических партий»*.

Его глубокое понимание событий и драматизм мироощущения того времени кратко, но очень ёмко выразились летом 1907 года в письме жене из Греции, куда он поехал и для изучения античного искусства, и для спасения от тягостных впечатлений. Узнав о роспуске Второй государственной Думы (под предлогом ареста фракции большевиков, по ложному обвинению в военном заговоре), ознаменовавшем полное подавление революции, и принятии нового избирательного закона, который, по его словам, *«на руку помещикам и собственникам»*, Серов пишет: *«...Несколько сотен, если не тысяч, захвачено и засажено, плюс прежде сидящие — невероятное количество... Опять весь российский кошмар втиснут в грудь. Тяжело.*

Руки опускаются как-то, и впереди висит тупая мгла».

Осенью того же года он подписал вместе с В. Поленовым, И. Грабарем, Н. Касаткиным, Л. Пастернаком (отцом поэта), А. Архиповым, Ап. Васнецовым и рядом других московских художников открытое письмо по поводу убийства публициста Г. Иоллоса, выражая *«глубокое негодование черносотенным вдохновителям тёмных сил, ведущих Россию к гибели»*.

И хотя в творчестве Серова последних пяти лет его жизни (1906–1911) развёрнутые сюжеты из современной жизни почти отсутствуют, в нём совершенно очевидно, как справедливо писал Д. Сарабьянов, «социальное измерение», обусловленное революцией, последующей реакцией и жадой обновления страны.

Оно, конечно, присутствует и в работах Серова этого времени, посвящённых русской истории и прежде всего — эпохе и личности Петра Первого («Пётр I, 1907; «Пётр I в Монплези-

ре», 1910–1911 гг. и других). И прежде увлечённый образом этого, по словам А. Герцена, «*коронованного революционера*» (М. Волошин называл его «*первым «большевиком»*»). Серов теперь не столько размышляет над историей, улавливая и передавая её «*стиль*», сколько призывает в пространство тревожного безвременья России (напоминавшей готовящийся к извержению вулкан) ветер истории, волю к развитию страны. Так страшно и прекрасно воплотившуюся в личности «*величайшего монарха — работника*» (Петра I, слова из записи, сделанной Серовым, Шаляпиным и Коровиным в памятной книге музея «Ботик» в 1905 году).

О творчестве последних пяти лет жизни и художественном «завещании» мастера пойдёт речь в следующей статье.

Владимир Петров